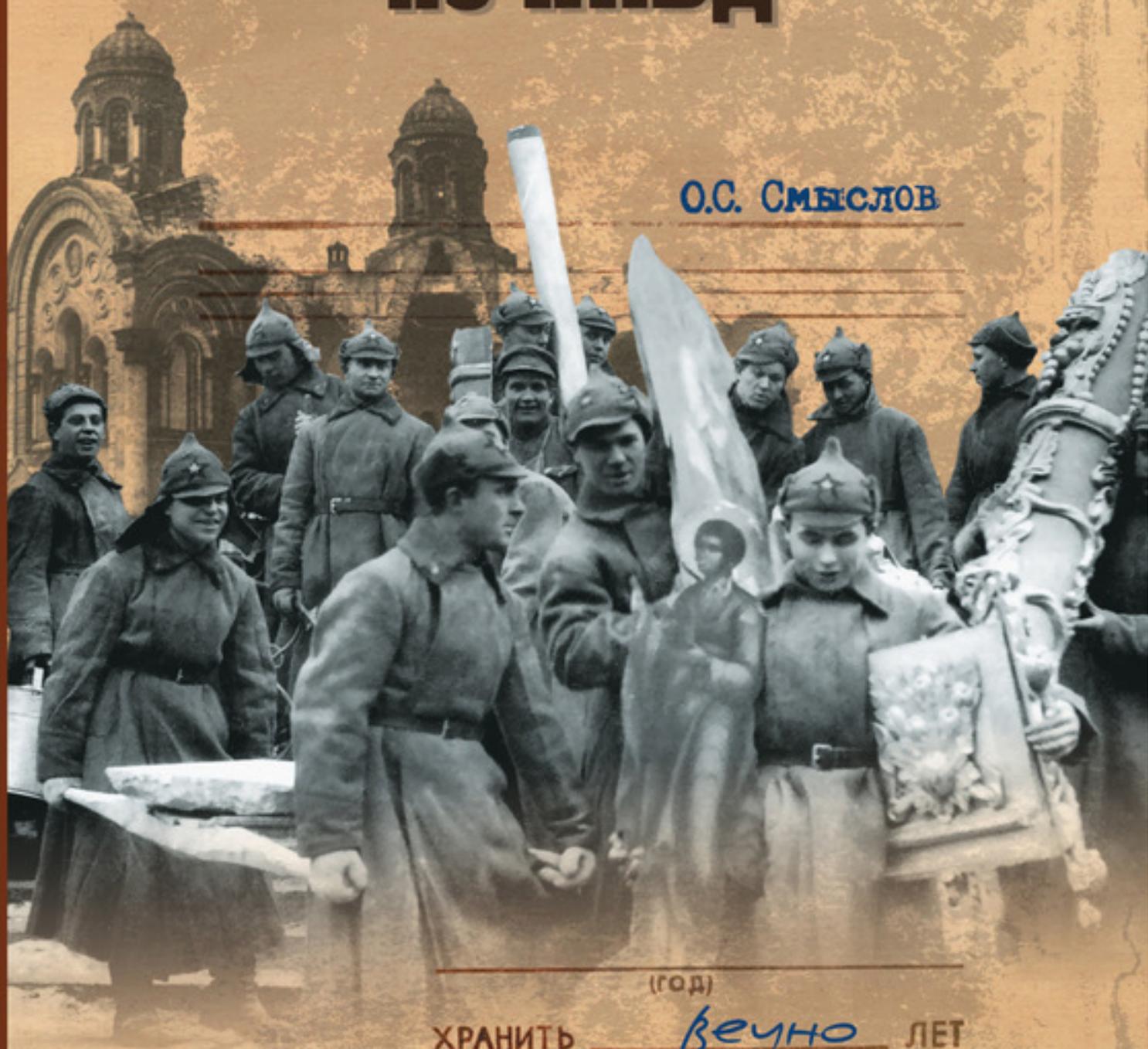

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 11-009

БОГОБОРЦЫ ИЗ НКВД

О.С. СМЫСЛОВ

(год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Гриф секретности снят

Олег СМЫСЛОВ

Богоборцы из НКВД

«ВЕЧЕ»

2012

Смыслов О. С.

Богоборцы из НКВД / О. С. Смыслов — «ВЕЧЕ», 2012 — (Гриф секретности снят)

Тема борьбы с Русской православной церковью, начиная с 20-х годов, есть тот самый пресловутый «русский вопрос», который во все времена был болезненным и требовал разрешения. И от решения этого вопроса во многом зависит наше с вами будущее. Ведь до сих пор порой звучат слова некоторых православных священников, которые пытаются доказать, что Сталин хотел осуществить Христовы заповеди... И это после того дикого богоборчества, которое продолжалось долгие десятилетия советской власти... После того, как священников уничтожали и гноили в тюрьмах и лагерях... В этом и заключается противоречие и неоднозначность истории нашего многострадального Отечества. И хотя богоборцы, в том числе из НКВД, проиграли свою историческую битву, но их тень до сих пор неизгладимо лежит на тех, с кем они боролись... Книга издается в авторской редакции.

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Глава первая. Тучков	9
1	9
2	12
3	13
4	16
5	17
6	20
7	22
8	23
Глава вторая. Патриарх Тихон	24
1	24
2	26
3	29
4	33
5	37
6	38
7	49
8	52
Глава третья. Разрушение религии	54
1	54
2	56
3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

О. С. Смыслов

Богоборцы из НКВД

© Смыслов О.С., 2012

© ООО «Издательский дом «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Светлане Петровне посвящаю...

От автора

Эта книга не претендует на роман. Далека она и от какого-либо понятия научной работы. Хотя в ней и присутствуют скромная попытка художественной реконструкции некоторых событий и множество фактического материала. Но поверьте на слово, никакая эпопея, ни тем более роман, не способны были бы рассказать о богоборчестве в Советском Союзе, уложившись в рамки старейшего жанра. Потому что сама по себе данная тема колоссально масштабна и одновременно противоречива и неоднозначна. Использовать же научный подход автор счёл неприемлемым и скучным.

Однако жанр этой книги вполне можно назвать литературной мозаикой. В своё время его нашёл известный советский писатель и фронтовик Владимир Васильевич Карпов.

«Мозаика – это вид изобразительного искусства, широко распространённый ещё в Древнем Риме, – писал он в книге о маршале Жукове. – Она создаётся из отдельных плиточек, разноцветных кусочков, все вместе они составляют определённое изображение, картину. Вот и в своей мозаике я создал из отдельных эпизодов, фрагментов и цитат художественную литературную картину. Если в обычном романе или повести писатель оперирует словом и образом для изложения своих мыслей, поступков и переживаний героев и в целом замысла, то в мозаике писатель должен оперировать целыми блоками (если так можно сказать) и из этих блоков создать своё произведение». Для мозаики важным составным компонентом В. Карпов называл документ, рассказ участника или очевидца событий, способный убедительно, правдиво и достоверно показать то, о чём идёт разговор. Что ж, именно этот жанр и подошёл к «Богоборцам из НКВД».

Тема же борьбы с Русской православной церковью, начиная с двадцатых годов, и есть тот самый «русский вопрос», который во все времена был болезненным и требовал разрешения. Немудрено, ведь от этого зависит наше с вами будущее. Задуматься никогда не поздно и всегда есть над чем. Задумайтесь и вы, а задумавшись, размышляйте!

И ещё, автор считает необходимым подчеркнуть: в данной книге использованы опубликованные ранее документы из фондов Государственного архива Российской Федерации, Центрального архива Федеральной службы безопасности, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, Научного архива Российской академии образования. В ней также указаны практически все авторы цитируемых книг, статей и публикаций. Из «Википедии» Интернета были взяты только некоторые биографические данные патриархов и митрополитов, Николая II, Гапона, Распутина, Ленина, Троцкого, а также материалы по истории РПЦ. Избегая подробных сведений об источниках, автору хотелось лишь одного: не превратить эту книгу и по объёму и по внешнему виду в справочник.

История – не только откровение Бога, но и ответное откровение человека Богу...

Николай Бердяев

Предвидится страшная, колоссальная стихийная революция, которая потрясёт все царства мира изменением лица мира сего... Бунт начнётся с атеизма и грабежа всех богатств. Начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в стойла, зальют мир кровью, а потом сами испугаются...

Фёдор Достоевский

Пролог

Русская православная церковь (РПЦ) как автокефальная поместная православная церковь занимает пятое место в диптихе автокефальных поместных церквей.

Статус автокефалии имеет де-факто с 1448 года, когда Московский поместный собор осудил Флорентийскую унию и поставил на Русскую митрополию Рязанского епископа Иону без предварительных согласований с Константинополем.

В 1589 году патриарх Константинопольский Иеремия II своей Уложенной грамотой формально подтвердил статус автокефалии и поставил первого патриарха Московского и всея Руси Иова. Он прибыл в Москву 13 июля 1588, после чего последовали трудные переговоры с её правительством, в период которых он оказался под домашним арестом.

Патриаршее же достоинство, усвоенное митрополиту Иову лично Вселенским патриархом Иеремией II, было подтверждено соборами в Константинополе в 1590 и 1593 годах, о чём в Москву были посланы соответствующие грамоты.

Значительную роль в исходатайствовании решения восточных патриархов сыграл Борис Годунов. В частности, в Уложенной грамоте 1589 года декларировалась следующая концепция «Российского царствия»: «...Великое Российское, Третьей Рим, благочестием всех превзыде». Тем не менее требование Московского правительства занимать Московскому патриарху третье место при Александрийском патриархе (место в диптихе) было категорически отвергнуто. Всего до исторического решения Петра I на Руси было десять патриархов: святитель Иов (Иоанн) (1589–1605); священномученик Гермоген (Ермолай) (1606–1612); Филарет (Фёдор Никитич Романов) (1619–1633); Иоасаф I (1634–1640); Иосиф (Дьяков) (1642–1652); Никон (Никита Минов) (1652–1666); Иоасаф II (Новоторжец) (1667–1672); Питирим (1672–1673), Иоаким (Иван Петрович Савелов) (1674–1690); Адриан (Андрей) (1690–1700).

После кончины патриарха Адриана преемник не избирался. В 1700–1721 годах блюстителем (экзархом) был назначен митрополит Ярославский Стефан (Яворский).

В 1721 году Пётр I учредил Духовную коллегию, впоследствии переименованную в Святейший Правительствующий синод – государственный орган высшей церковной власти в Российской Церкви. Данный орган состоял из нескольких человек и был наделён властью, большей, чем патриарх и Поместный собор вместе взятые.

Пройдёт почти 200 лет, и 15 августа 1917 года, уже при Временном правительстве, в праздник Успения Пресвятой Богородицы в Успенском соборе Кремля откроется Всероссийский Поместный собор 1917–1918 годов.

Очевидцы утверждают, что целый день над Москвой стоял непрестанный колокольный звон. В состав собора по должности вошли все присутствующие в Синоде и правящие епархиальные архиереи, члены Предсоборного Совета, а также наместники лавр и настоятели православных обителей. Всего на собор было избрано и назначено 564 члена. После проведённых выборов председателем собора стал Московский митрополит Тихон.

Там же на соборе разгорелась оживлённая дискуссия о потребном высшем церковном управлении. Но далеко не все участники высказались за реставрацию патриаршества. Против выступала значительная группа профессоров-богословов из мирян. Однако после захвата власти большевиками в Петрограде, 28 октября (10 ноября), все прения были прекращены в пользу восстановления патриаршества.

Избрание было решено проводить в два этапа: тайным голосованием и посредством жребия. Первым кандидатом в патриархи был признан архиепископ Харьковский Антоний, набравший 159 голосов. Вторым – архиепископ Новгородский Арсений (199). В третьем туре святитель Тихон (162).

5 (18) ноября 1917 года в храме Христа Спасителя было назначено избрание жребием.

В этот день великий храм был переполнен народом. Митрополиты Владимир и Вениамин совершали Божественную литургию. Пел синодальный хор...

Прочитав часы, митрополит Владимир вошёл в алтарь и остановился перед столиком. Секретарь собора вручил ему три жребия, на которых архипастырем были начертаны имена кандидатов. Последние были вложены в ковчежец, поставленный слева от царских ворот. Затем под чтение Апостола из Успенского собора была внесена Владимирская икона Божьей Матери... Но вот закончилась литургия, молебное пение, и митрополит Владимир вынес ковчежец, благословил им присутствующий народ и снял с него печати.

Из алтаря вышел старец Зосимовой пустыни Алексей, облачённый в чёрную мантию, и после благословения митрополита Владимира, отпустив земные поклоны, трижды совершив крестное знамение, в глубокой тишине вынул из ковчежца жребий, передав его митрополиту Владимиру.

Вскрыв его, тот громко, чтобы слышали все, зачитал:

– Тихон, митрополит Московский. Аксиос!

– Аксиос! – троекратно повторил за ним весь народ и всё духовенство, и все вместе с хором запели торжественный гимн «Тебе Бога хвалим». (Аксиос! – Достоин!)

Инtronизация состоялась 21 ноября (4 декабря) 1917 года в кремлёвском Успенском соборе, в праздник Введения.

Наречённый в патриархи, обращаясь к присутствующим в своей речи, в частности, сказал:

– Нахожу подкрепление в том, что избрания сего я не искал, и оно пришло помимо меня и даже помимо человекoв, по жребию Божию. Уповаю, что Господь, призвавший меня, Сам и поможет мне Своею всесильною благодатию нести бремя, возложенное на меня, и сделает его лёгким бременем.

Власть уже принадлежала большевикам, и трагические нотки в голосе нового патриарха звучали как некое предвидение ещё пока незримогo...

23 января 1918 года Совет Народных Комиссаров издаст декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Теперь доберутся руки новой власти и до Церкви...

Глава первая. Тучков

1

Эти дни в апреле 1957-го стояли холодные, но ясные. В Центральном госпитале МВД СССР, куда его госпитализировали совсем недавно, ему была выделена отдельная палата. Но, несмотря на такое почти привилегированное положение, дела его были плохи, а дни уже фактически сочтены.

Распадающийся кровотокающий рак желудка с метастазами был не просто страшной болезнью, а последним и жутким приговором всей прошлой жизни. Опухоль обнаружили неоперабельной, и он прекрасно знал, что скоро умрёт.

В чистой палате пахло медикаментами, молодая медицинская сестра частенько забегала к нему, как казалось, по пустякам: то поправит одеяло, то сделает спасительный укол, то поинтересуется состоянием здоровья, прекрасно зная, что такового в природе уже нет.

Нарушая тишину, прерывая какие-то мысли, она вовсе не раздражала его. Пусть некрасивая, но зато молодая, кровь с молоком. Таких девушек он видел превеликое множество. С лица воду не пить, а тем более ему – умирающему медленно и страшно. И он пытался улыбнуться ей, хотя сам не понимал, что вместо улыбки у него получалась скорее всего какая-то чудовищная гримаса. Безнадёжного, завершающего свой путь досрочно пожилого человека.

– Евгений Александрович, – негромко сказала она в очередной свой приход, – к вам гости.

И буквально через долю секунды к нему в палату вошёл он – его последний покровитель, его собеседник и продолжатель дела, которому была отдана целая жизнь.

Георгий Григорьевич, поздоровавшись, присел рядом на поставленный медсестрой стул и, поправив накинутый наспех белый халат, с усталостью в голосе спросил:

– Ну, как ты, Евгений Александрович?

– Ты знаешь, Георгий Григорьевич, я частенько теперь вспоминаю тридцатые годы и своё увольнение, – с трудом повернувшись на кровати на левый бок, негромко заговорил Тучков. – С одной стороны, отвлекаюсь, с другой – по-новому мучаюсь. Такая была бурная жизнь! А как всё обернулось. Обидно. Все последние восемнадцать лет всё не то...

– Ты только не нервничай, – перебил его Карпов. – Тебе же нельзя нервничать.

– Да ладно, Георгий Григорьевич, или ты думаешь, я от этого дольше проживу. Судьбу не проведёшь! Так вот, представь себе, выполнив свою историческую миссию на протяжении десяти лет, я получаю повышение. В 1932-м меня назначают заместителем полномочного представителя ОГПУ по Уралу. Полпредом тогда был сам Рапопорт Григорий Яковлевич, бобруйский еврей. В 33-м я снова возвращаюсь в Москву, а его на Сталинградский край опять полпредом. В 35-м он получает звание комиссара ГБ 3-го ранга, а в 36-м его снимают с работы и увольняют. Работал он начальником инспекции по качеству продукции Наркомата пищевой промышленности СССР. Представляешь? И это комиссар московской ВЧК с 1918 года! А дальше что? В 37-м арест, в 38-м расстрел.

– Если ты помнишь, – вновь перебил его Карпов, – тогда, в 35-м, генеральские звания комиссаров ГБ получили 40 человек. Именно они и проводили ту самую «большую чистку» с 36-го по 38-й, а к 41-му из них в живых осталось только двое.

– А мне и до сих пор непонятно, всё что происходило тогда. Неужели среди нас, чекистов со стажем, были одни враги?

– На этот вопрос у меня и теперь нет ответа.

– А я вот пытаюсь его найти. Но пока не получается. В 33-м назначают меня заместителем Особоуполномоченного при коллегии, сначала ОГПУ, затем НКВД. Занимался я там «спецпроверками» по нашим коллегам. Дело тонкое, сам понимаешь, и выезжать приходилось, и выяснять происхождение, и факты какие-либо подозрительные проверять. Словом, не был я последним человеком. Дело делал всегда честно и до конца. Даже с октября 37-го по декабрь 38-го доверили мне исполнять обязанности Особоуполномоченного, звание майора госбезопасности присвоили. Помню, делом самого Медведева занимался. Он же за связь с «братом-троцкистом» был из партии исключён. Мне вот поручили. Дмитрий Николаевич тогда проживал в гостинице «Москва» у другого чекиста, Полещука. Много скрывал, а мы его под «колпаком» держали. Всё знали. Но надо отдать ему должное, был он настойчивым человеком и отчаянным. Весной 38-го даже голодовку объявил. Да ещё где? В центральном вестибюле Курского вокзала, под портретом Сталина! Мы и об этом знали. В результате наверху приняли решение о его восстановлении в органах. Стал он и Героем, и полковником, и писателем. Правда, умер уже в 56-м. А что я? В один прекрасный день меня вывели в резерв и уволили. Был это октябрь 1939 года. Да ещё как: «за невозможностью дальнейшего использования», на пенсию.

– Срок действительной службы у нас завершался в сорок пять лет, а тебе сколько тогда было? – поинтересовался Карпов.

– Сорок семь. Но ведь обязательная служба считалась до пятидесяти пяти. Да если ты помнишь, уволить тогда могли в аттестационном порядке по служебному несоответствию и за невозможностью использования в связи с сокращением штатов или реорганизацией. А ещё по приговору суда, по аресту судебными органами и невозможностью использования на работе в Главном управлении госбезопасности.

– Что теперь говорить. Многие сотрудники, вообще были уволены без какого-либо объяснения причин. У тебя хоть объяснение есть: «за невозможностью дальнейшего использования», да и пенсия... А ведь основным методом чистки и было увольнение из органов. Слышал я, что в 1939-м было уволено более семи тысяч сотрудников, а арестовано более девятисот.

– Хочешь сказать, что могла быть и пуля?

– Не хочу, но предполагаю, что тебе ещё повезло. А если бы ты срок мотал, неужели этот вариант был бы лучше?

– Не знаю я, Георгий Григорьевич. Не знаю. Но всё равно обидно, ведь верой и правдой служил, а оно видишь как...

– Дело это уже прошлое, а тебе надо думать сейчас о настоящем.

– В настоящем у меня уже ничего нет. И теперь, когда я здесь, когда у меня нет будущего, остаётся вспоминать. Копаться, перекапывать, прямо как на даче в огороде. Даже боль не так беспокоит в раздумьях.

– Встретил я тут недавно своего подчинённого по Ленинграду Николая Кузьмича Богданова. Теперь уж генерал, – Карпов чуть ближе подвинулся на стуле к кровати.

– И что он говорит?

– Да не говорит, а, представь себе, благодарит.

– Как это?

– Я-то уже запамятовал, а он помнит, как я, проезжая по служебным делам через Лугу в Псков, остановился отдохнуть в Лужском райотделении НКВД, где он тогда работал начальником. Оказывается, на мой вопрос, как идут дела, он поделился своими терзаниями молодого работника. Доложил, что, несмотря на все требования сверху, материалов для ареста на лиц из гражданского населения, подозреваемых в шпионской или антисоветской работе, больше нет. А я ему сказал, что арестовать их придётся, так как всё равно штаб или оперсектор заставят это сделать. При этом ещё и предупредил – смотрите, ни в коем случае не допускайте избивания следователями арестованных. Учтите, что за эти дела когда-нибудь ЦК партии потребует

ответа. Однако и им, и мной занимаются в Комитете партийного контроля до сих пор. Мне же в прошлом году даже выговор объявляли, строгий, с предупреждением. Но всё никак не успокоятся. Длится эта канитель до сих пор.

– И что теперь инкриминируют? – попытался было приподняться Тучков, но Карпов рукой остановил его движение.

– Да всё то же самое. Грубое нарушение социалистической законности, производство массовых арестов ни в чём не повинных граждан, применение извращённых методов ведения следствия, а также фальсификация протоколов допросов арестованных.

– Как же это так, ведь почти двадцать лет прошло, – удивился Тучков.

– Как ты знаешь, десять – уже давность лет. А тут покоя ни я, ни другие не даём кому-то. Не нравится им, что дело продолжаем делать. И хорошо делаем. Вот всё и пишут.

– Зависть, Георгий Григорьевич, проблема извечная!

2

В обед Тучкову было плохо. Прибегала медсестра и сделала очередной укол. Евгений Александрович всё-таки заснул. Боль на время отступила. А вечером медсестра не выдержала и спросила:

– Скажите, Евгений Александрович, а кто этот человек, который к вам сегодня приходил. Большой начальник, генерал?

– И большой начальник, и генерал. Представьте себе, деточка, в 43-м он был назначен самим Сталиным председателем Совета по делам Русской православной церкви. И до сих пор находится на этой почётной должности.

– Ого! – воскликнула медсестра. – Здорово!

– А представьте себе, деточка, что ваш покорнейший слуга в двадцатые годы занимался практически этими же вопросами. Правда, мы тогда боролись с церковью, а не лобызались...

– Да что вы, Евгений Александрович, неужели так?

– Так, всё именно так, деточка. Боролись. А когда победили, то наступило время Георгия Григорьевича Карпова. И ему повезло гораздо больше. Но не мне. Тяжёлое было время... Интереснейшее. А вам, деточка, интересно? – он вопросительно посмотрел на медсестру.

– Да, конечно, Евгений Александрович.

– Тогда слушайте... Родился я в 1892 году в деревне Теляково Владимирской губернии Суздальского уезда Коварчинской волости. Рано остался сиротой и воспитывался своей старшей сестрой. Она была глубоко верующим человеком и меня пыталась воспитать в том же духе. В 1903 году я окончил четыре класса церковно-приходской школы и ушёл из родной деревни в Иваново-Вознесенск, где по найму работал, сначала мальчиком в конторах и магазинах, а затем конторщиком. Первое рабочее место – мальчик в кондитерской, а с 1911 по 1915 год служил конторщиком в кожевенно-обувной мастерской в городе Шуе. Оттуда меня призвали в армию, где мне невероятно повезло. Сначала служил писарем в управлении Радомского военного комиссара, а затем в штабе Западного фронта в Минске. Осенью 17-го вступил в партию большевиков и принял участие в двух революциях и тогда же был избран от гарнизона солдат членом Совета рабочих и крестьянских депутатов в городе Юрьеве-Польском. После победы советской власти я вернулся в Иваново-Вознесенск, а уже отсюда меня направили на работу в ЧК. Так что с 1918 года я заведовал там юридическим отделом. А потом меня направили в Уфу к находившемуся там представителю Ивановского губкома Николаю Жиделеву, посланному для заготовки хлеба для ивановских рабочих. Там же, в Уфе, как член партии, был взят на учёт и был мобилизован на работу в армию, в военные части по формированию отрядов особого назначения. Ведал я делами 1-го Уфимского коммунистического батальона. А через несколько месяцев Уфимский Губком направил меня на руководящую работу в Уфимскую ГубЧК. Там я работал с 1920 по 1922 год заведующим секретным отделом.

В общем, делал я на Урале революцию и, надо же такому случиться, познакомился там со своей будущей женой Еленой Александровной. Она была дочерью бухгалтера из Златоуста, так сказать, из интеллигенции. Неплохо знала французский язык, что и сыграло в нашем знакомстве судьбоносную роль. Благодаря знанию этого языка я помог ей устроиться к нам на работу. И вот надо же, до сих пор живём вместе. Правда, первый ребёнок умер у нас в младенчестве. Голод ведь тогда был страшный. Трудно было взрослым, а чего уж про детей говорить. Но в 23-м году, уже в Москве, родился у нас второй сын, Борис. Наше счастье и отрада...

3

В религии В.И. Ленин видел только один из видов духовного гнёта. Он требовал полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с её туманом идейным оружием, прессой и словом. Но, к сожалению, идейного оружия оказалось недостаточно, и решающий удар будет нанесён по Церкви в 1922 году. В понимании Ленина атеизм был составным элементом диктатуры пролетариата, поэтому его традиционно устойчивое отношение к духовенству, которое он называл не иначе как «контрреволюционеры в рясе» и «поповщина» в буквальном смысле томилось в ожидании удобного момента, чтобы разобраться с ней раз и навсегда. Поводом же послужил массовый голод в России.

Одной из первых на эту беду откликнулась Русская православная церковь.

«Падаль для голодного населения стала лакомством, но и этого «лакомства» нельзя достать, – обращался к мирянам России с воззванием патриарх Тихон. – Стоны и вопли несутся со всех сторон. Доходит до людоедства. Из 13 миллионов голодающих только 2 миллиона получают помощь.

Протяните же руки помощи голодающим братьям и сёстрам! С согласия верующих можно использовать в храмах драгоценные вещи (кольца, цепи, браслеты, жертвуемые для украшения святых икон, серебро и золотой лом) на помощь голодающим».

По неполным же данным, о которых патриарх мог не знать, в России голодало около 25 миллионов человек. В Поволжье цифра голодающих была наивысшей.

Но пока Политбюро во главе с Лениным не спешит принимать какое-либо решение. Там думают. А тем временем Российская Церковь создаёт Всероссийский комитет церковной помощи голодающим. Создаётся и Всероссийский комитет помощи голодающим, возглавляемый буржуазными либералами, который тут же разгоняется одним росчерком пера. Вместо него новая власть создаёт при ВЦИК Центральную комиссию помощи голодающим (Помгол) под руководством М.И. Калинина и жёстким контролем ВЧК-ГПУ и Политбюро.

В первых числах декабря, буквально перед тем, как власть разрешила религиозным организациям собирать средства в помощь голодающим под руководством Помгола, председатель ВЧК Ф.Э. Держинский подвёл итог прениям коллег в своём последнем слове: «Моё мнение: церковь разваливается, поэтому нам надо помочь, но никоим образом не возрождать её в обновлённой форме. Поэтому церковную политику развала должен вести В.Ч.К., а не кто-либо другой. Официальные или полуофициальные сношения с попами – недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не на религию. Лавировать может только В.Ч.К. для единственной цели – разложения попов. Связь какая бы то ни было с попами других органов бросит на партию тень, это опаснейшая вещь. Хватит нам одних спецов».

Как известно, насильственное изъятие церковных ценностей началось с момента появления декрета от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Уже в нём было прописано, что «никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью, и прав юридического лица они не имеют».

Но быстренько и сразу экспроприировать более 50 тысяч приходских храмов, 1120 монастырей, лавр, пустыней, скитов советская власть не только не решалась, но и не имела таких возможностей. Закрывая всё в том же 18-м духовные семинарии, епархиальные училища с их храмами, а также все домовые церкви и храмы в любых учреждениях, новая власть уже в марте обсуждала вопрос о передаче в ведение НКВД кредитов ликвидируемых церковных учреждений. Значительные же средства ею были получены в результате экспроприации имущества Священного синода.

Таким образом, ко времени появления декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 года кое-какой опыт у большевиков был. С его же принятием началась новая и весьма сложная борьба, так называемая «массовая общерусская кампания изъятия».

Пока народ «переваривал» новый документ, 28 февраля 1922 года патриарх Тихон публикует очередное воззвание к духовенству и верующим Российской православной церкви по поводу изъятия церковных ценностей.

«...Среди тяжких испытаний и бедствий, обрушившихся на землю нашу за наши беззакония, величайшим и ужаснейшим является голод, захвативший обширное пространство с многомиллионным населением.

Ещё в августе 1921 г., когда стали доходить до нас слухи об этом ужасающем бедствии, Мы, почитая долгом своим придти на помощь страждущим духовным чадам нашим, обратились с посланиями к главам отдельных христианских церквей (Православным патриархам, Римскому Папе, Архиепископу Кентерберийскому и епископу Нью-Йоркскому) с призывом, во имя христианской любви, произвести сборы денег и продовольствия и выслать их вымирающему от голода населению Поволжья.

Тогда же был основан Нами Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим и во всех храмах и среди отдельных групп верующих начались сборы денег, предназначенных на оказание помощи голодающим. Но подобная церковная организация была признана Советским Правительством излишней и все собранные церковью денежные суммы потребованы к сдаче (и сданы) Правительственному Комитету. Однако в декабре Правительство предложило нам делать, при посредстве органов церковного управления (Священного Синода, Высшего Церковного Совета, Епархиального Совета, Благочинного и церковно-приходского совета), сборы деньгами и продовольствием для оказания помощи голодающим.

Желая усилить возможную помощь вымирающему от голода населению Поволжья, Мы нашли возможным разрешить церковно-приходским Советам и общинам жертвовать на нужды голодающим драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, – о чём и оповестили православное население 6/19 февраля с/г. особым воззванием, которое было разрешено Правительством к напечатанию и распространению среди населения.

Но вслед за этим, после резких выпадов в правительственных газетах, по отношению к духовным руководителям Церкви, 13/26 февраля В.Ц.И.К., для оказания помощи голодающим, постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды и проч. богослужебные церковные предметы.

С точки зрения Церкви, подобный акт является актом святотатства, и мы священным нашим долгом почли выяснить взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сём верных духовных чад наших.

Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, неосвящённых и неимеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таковым жертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти жертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное жертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство, мирянин отлучением от Нея, священнослужитель извержением из сана (апостольское правило 73, Двукратный Вселенский Собор, правило 10)...»

Известно, что на этот раз прежде всего Ленина до крайности возмутила строптивость патриарха Тихона.

По мнению современных историков, «главным двигателем широкой операции по разгрому РПЦ оставался Л.Д. Троцкий, действовавший при непосредственной поддержке прежде

всего В.И. Ленина, а затем И.В. Сталина. В.М. Молотов, бывший тогда фигурой несамостоятельной, всё же позволял себе иногда некоторую оппозицию по отношению к глобальному (троцкистско-ленинскому) плану разгрома РПЦ и искоренения религии. Изредка отдельные возражения заявляли и Каменев с Зиновьевым, явно из опасения слишком обострить обстановку в Москве и Петрограде... Ещё более сдержанной по отношению к планам Троцкого была позиция М.И. Калинина, стремившегося по возможности особенно не отходить от объявленной официальной цели кампании – помощи голодающим. Но именно его руководство партии избрало в качестве главного прикрытия своих действительных целей – и он послушно эту роль исполнил, подписывая все заготовленные Троцким и Уншлихтом бумаги, давая за своей подписью составленные другими интервью и статьи в газетах» (Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг.).

20 марта Политбюро утверждает основные предложения Троцкого о создании во всех губерниях «секретных подготовительных комиссий» для руководства изъятием церковных ценностей, в составе которых должен был обязательно быть «комиссар дивизии, бригады или начальник политотдела». В целом же механизм изъятия прикрывался на местах формированием «официальных комиссий или столов». В центре роль прикрытия выполнял Помгол во главе с Калининым.

4

«Шифротелеграмма секретаря Иваново-Вознесенского губкома РКП(б) И.И. Короткова в ЦК РКП(б) о Шуйских событиях 17 марта 1922 г.

Поступила для расшифрования 18/III 1922 г. в 11 час. 30 мин. Из ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА

МОСКВА ЦК РКП

17/3—22 года. Губком сообщает, что в Шуе 15 марта в связи с изъятием церковных ценностей под влиянием попов монархистов и с.р. возбуждённой толпой было произведено нападение на милицию и взвод красноармейцев. Часть красноармейцев была разоружена демонстрацией. Из пулемётов и винтовок частями ЧОН и красноармейцами 146 полка толпа была разогнана, в результате 5 убитых и 15 раненых зарегистрировано больницей. Из них убит Помотделения Красных кавалеров красноармеец. В 11 с половиной часов 15 марта на этой же почве встали 2 фабрики. К вечеру в городе установлен порядок. 16-го утром, как обычно, рабочие фабрик приступили к работе. Настроение обывателей и части рабочих подавленное, но не возбуждённое.

Губисполкомком выделил специальную Комиссию для расследования событий. Подробности письмом.

СЕКРЕТАРЬ ГУБКОМА КОРОТКОВ».

5

«Письмо В.И. Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви 19 марта 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО.

Товарищу Молотову. Для членов Политбюро.

Просьба ни в каком случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин у тоже) делать свои заметки на самом документе. Ленин.

По поводу происшествия в Шуе, которое уже поставлено на обсуждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас-же твёрдое решение в связи с общим планом борьбы в данном направлении. Так как я сомневаюсь, чтобы мне удалось лично присутствовать на заседании Политбюро 20-го марта, то поэтому изложу свои соображения письменно.

Происшествие в Шуе должно быть поставлено в связь с тем сообщением, которое недавно Роста переслало в газеты не для печати, а именно, сообщение о подготовляющемся черносотенцам в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей. Если сопоставить с этим фактом то, что сообщают газеты об отношении духовенства к декрету об изъятии церковных ценностей, а затем то, что нам известно о нелегальном воззвании патриарха Тихона, то станет совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождём совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент.

Очевидно, что на секретных совещаниях влиятельнейшей группы черносотенного духовенства этот план обдуман и принят достаточно твёрдо. События в Шуе лишь одно из проявлений и применений этого общего плана.

Я думаю, что здесь наш противник делает громадную стратегическую ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас, именно в данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля на голову и обезпечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которая может и хочет испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обезпечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, в несколько миллиардов) мы должны во что-бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обезпечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обезпечил-бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что, если необходимо для осуществления известной политической цели, пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый краткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. Это соображение в особенности ещё подкрепляется тем, что по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть, даже черезчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью. Кроме того главной части наших заграничных противников среди русских эмигрантов за границей, т. е. эсэрам и милюковцам, борьба против нас будет затруднена, если мы, именно в данный момент, именно в связи с голодом, проведём с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства.

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом:

Официально выступить с какими то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, – никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий, не должна быть отменяема. Она нам выгодна, ибо понесёт у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретна, противник, конечно, скоро узнает).

В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК или других представителей центральной власти (лучше одного, чем несколько), причём дать ему словесную инструкцию через одного из членов Политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шую арестовал, как можно больше, не меньше, чем несколько десятков представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Тотчас по окончании этой работы он должен приехать в Москву и лично сделать доклад на полном собрании Политбюро или перед двумя уполномоченными на это членами Политбюро. На основании этого доклада Политбюро даёт детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против Шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведён с максимальной быстротой и закончился не иначе, как разстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров.

Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского и Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно.

На Съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение Съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности, самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу

разстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на Съезде, т. е. на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей всех операций было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общесоветском и общепартийном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры и в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквях.

Ленин.19.ІІІ.22.

Прошу тов. Молотова постараться разослать это письмо членам Политбюро в круговую сегодня же вечером (не снимая копий) и просить их вернуть секретарю тотчас по прочтении с краткой заметкой относительно того, согласен ли с основой каждый член Политбюро, или письмо возбуждает какие-нибудь разногласия.

Ленин».

6

«В середине марта Ленин получил донесение из ГПУ, что в небольшом городке Шуя, что возле Иванова, при реквизиции ценностей из церкви произошло столпотворение; верующие оказали сопротивление, в ходе которого погибло несколько человек, – пишет Д.А. Волкогонов в книге «Ленин». – Как сообщало ГПУ, после изъятия золотых и серебряных вещей в трёх небольших церквях и описи ценностей в синагоге Шуи 15 марта комиссия уездного исполкома в сопровождении милиции прибыла в храм на Соборной площади. Там уже была толпа. Начались стычки. На колокольне стали бить в набат. Вызвали полуроту красноармейцев 146-го пехотного полка и два автомобиля с пулемётами. Раздались выстрелы, пролилась кровь, погибли люди. В этот же вечер верующие из этого собора привезли в исполком 3,5 пуда серебра и ценностей. Но комиссия не удовлетворилась этим, и из собора было изъято ещё 10 пудов серебра и большое количество золота, драгоценных камней.

Чекисты, конечно, сообщали, что выступление верующих было организовано «черносотенным духовенством». Хотя очевидно (так было и во многих других местах), что возмущение, протест мирян были спонтанными, стихийными и характеризовали отношение простых людей к грубому акту поругания святынь.

Ленин пришёл в сильное возбуждение. Обычно он умел держать себя в руках. Теперь же он, по имеющимся данным, метал громы и молнии, но затем успокоился. Он понял, что получил великолепный повод покончить одним ударом с этой «камарильей». (...)

Обращение Тихона Ленин воспринял как вызов властям. Хотя вождь и не был в юности прилежным учеником по закону божью, но хорошо помнил заповедь из «Нового завета» о том, что «начальники суть Божьи слуги: повинуйтесь им». Хотя сам Ульянов никогда не следовал колларию из Священного писания, тем не менее полагал, что для духовенства это непреложный закон. «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены».

Ленин в это время находился в одном из своих многочисленных отпусков в селе Корзинкино, что близ Троице-Лыкова Московской губернии. Выезд его был, если так можно сказать, «антицерковным», антирелигиозным. Здесь он написал программную статью для журнала «Под знаменем марксизма», которую озаглавил «О значении воинствующего материализма». Крупская вспоминала, что во время прогулок в Корзинкине Ленин много говорил на антирелигиозные темы. Ленин был как бы весь «заряжен» против церкви.

Содержание письма, конечно, партийной историографией было сокрыто от всех, в том числе и от правоверных ленинцев. В «Биографической хронике» ему уделено неполных пять строк о том, что Ленин «считает необходимым решительно провести в жизнь декрет ВЦИК от 23 февраля 1922 года об изъятии церковных ценностей...». И всё. А в так называемом «Полном собрании сочинений» шесть страниц письма уложили в шесть более откровенных строк в приложении: «Ленин в письме членам Политбюро ЦК РКП(б) пишет о необходимости решительно подавить сопротивление духовенства проведению в жизнь декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 года...»

Умышленное сокрытие правды есть тоже ложь, зло универсальное... Но для «Полного собрания сочинений» вождя это дело обычное: умолчание, купюры, вынесение в приложения, которые читают только специалисты.

Ленин редко писал в последнее время такие обстоятельные, продуманные письма, всё больше записочки, писульки своим коллегам, которые порой требовали настоящей дешифровки – вождь всегда спешил. Это письмо адресовано секретарю ЦК Молотову для ознакомления всех членов Политбюро. Ленин был всегда осторожен и подобные документы, выходявшие из-под его пера, старался сразу же сделать большой тайной. Пусть документ «работает», но

его авторство не должно быть известно... Поэтому в письме, написанном 19 марта 1922 года, присутствует важное предисловие: «Просьба ни в коем случае копии не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин у тоже) делать свои заметки на самом документе». Ленин понимает, что то, что он напишет, нельзя оправдать никакой «революционной целесообразностью». Пером водила рука инквизитора.

Письмо на шести страницах далеко выходит за рамки отношения Ленина к церкви – это зеркало политического и нравственного лица вождя. (...) Но при чём здесь голод и помощь голодающим? «Конфискационное» мировоззрение Ленина вновь демонстрирует себя в полной красе. Как же он собирался «строить социализм», если полагает, что без грабежа церковью «никакое хозяйственное строительство... немислимо»?

За всё время пребывания у власти Ленин только и делал: реквизирует, отбирал, лишал, изымал, репрессировал. По-моему, для него часто было главной заботой решить: что и где ещё можно отобрать у людей? Заводы, фабрики, банки, хлеб, дороги, личные ценности, дома, квартиры, одежда (были специальные декреты об изъятии тёплых вещей и обуви у буржуазии), театры, лицеи, типографии... Отобрано всё. Всё это стало возможным потому, что Ленин изъём на много десятилетий у людей главную ценность – свободу. Всё остальное – производное».

7

Он говорил долго, иногда останавливаясь на мучительные паузы. Ну, что эта медсестра может понять? Что может понять эта девушка в белом халате? И всё же он продолжал рассказывать, пропуская целые пласты той истории, в которой принимал самое активное участие. Кто знает, может быть не всем всё нужно знать?

– В течение целого десятилетия я беззаветно трудился без отпусков и выходных. Анти-религиозная комиссия была распущена в 29-м, сопротивление монархического духовенства было сломлено окончательно. И я, посвятивший лучшие годы своей жизни борьбе с ним, стал теряться за спинами других сотрудников, случайных выскочек, но зато умело занимающихся интригами. Да, безусловно, мне дали приличную квартиру в доме в Большом Комсомольском переулке. Да, я получал продукты из спецраспределителя. Да, я смог иметь у себя домработницу. Да, были какие-то награды. Но я очень хотел учиться. Очень хотел получить высшее образование и заниматься научной антирелигиозной деятельностью. Увы, ничего у меня не получилось, мешала только огромная работа, которую доверила мне партия. Я без отрыва учился в Московском университете на этнологическом факультете. Пришлось бросить. Я был слушателем факультета особого назначения НКВД и даже сдал на «отлично» выпускные экзамены по программе средней школы по пяти предметам: русский и литература, немецкий язык, алгебра и геометрия, физика. Но мне снова не повезло. Выпускной экзамен по истории народов СССР по программе высшего учебного заведения я сдать так и не смог.

Не повезло мне и с ногами. В 1931-м году врачи мне посоветовали бросить курить в связи с тяжёлой болезнью ног. А курил я, деточка, с самых юных лет, ибо тогда взрослая жизнь началась гораздо раньше. Так вот из-за страха лишиться обеих ног таким молодым человеком мне пришлось отказаться от курения навсегда. Тогда же мне дали первую путёвку в санаторий, который находился в Кисловодске. Поехал я туда как старик с палочкой, а вернулся несколько поздоровевшим. В 39-м меня уволили из органов и я прямиком отправился к товарищу Ярославскому. Он знал меня ещё по совместной работе в Комиссии ЦК КПСС по проведению декрета об отделении Церкви от государства.

Так вот он меня и пригласил в Центральный Совет союза воинствующих безбожников СССР, так сказать, по специальности. С 1940 года в течение семи лет, до его ликвидации, я работал сначала лектором, а затем ответственным секретарём.

Я много ездил с лекциями по всей нашей необъятной родине. Был и в Иваново, и в Смоленске, и на Урале, и в Прибалтике. А в 46-м я снова остался без работы, но меня всё-таки взяли внештатным лектором Центрального лекционного бюро Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР.

Тогда же, после войны, я приобрёл наконец-таки участок земли под Москвой и начал строить дачу. Написал книгу «Русская Православная Церковь и контрреволюция». На даче я первым делом отстраивал свой кабинет, в котором начал работать над своими воспоминаниями о пережитом. Думаю назвать эту книгу: «Церковь в первые годы Советской власти». Всего же, деточка, я написал и опубликовал более 30 статей и две брошюры: «Наука в борьбе с суевериями» и «Сектантство и его идеология».

Примерно год назад я обратился в институт философии Академии наук СССР и попросил принять меня на должность научного сотрудника, но мне отказали. А ведь мне, деточка, есть что вспомнить и рассказать!..

8

По штату Главного политического управления (ГПУ) Евгений Александрович Тучков с 1 декабря 1922 года состоял начальником 6-го отделения (церковники, «тихоновцы», «живая церковь», «древнеапостольская церковь») секретного отдела секретно-оперативного управления...

Секретно-оперативное управление ВЧК было образовано 14 января 1921 года, а 6-е отделение (работа против духовенства) в секретном отделе тогда возглавлял П.Л. Вaleyчик.

Первый протокол «Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)» или «Антирелигиозной комиссии», где появляется впервые подпись Тучкова, датирован 27 сентября 1922 года.

Первую «Следственную сводку» 6-го отделения СО ГПУ в качестве его начальника Е.А. Тучков подписал 9 мая 1922 года.

По утверждению авторов статей о Е.А.Тучкове, в Москве он появился в мае (декабре) 1922 года или осенью 1921 года уже как начальник 6-го отделения или сначала как заместитель начальника 6-го отделения.

Однако известно, что Тучков был заведующим СПО Уфимской ГубЧК с 1920 по 1922 год.

События в Шуе произошли в марте 1922 года. Как известно, этот город находился возле Иваново, где долгое время работал сам Тучков. Более того, работу в ЧК он начинал именно в ЧК Иванова-Вознесенска заведующим юридическим отделом.

Таким образом, появлением Тучкова в Москве можно назвать весну 1922 года. А если точнее, то конец марта – начало апреля. Его могли пригласить как старательного работника, происходящего родом из-под Иванова-Вознесенска и хорошо знакомого с местными условиями. Без сомнения, в преддверии новой борьбы с духовенством.

Глава вторая. Патриарх Тихон

1

Открытый террор против религии и Церкви, объявленный в 1918 году, шёл по нарастающей. Например, А.Н. Яковлев в книге «По мощам и елей» об этом пишет следующее: «За обращение к верующим не участвовать в первомайской демонстрации 1918 года, приходившейся по старому стилю на среду Страстной Недели, начались аресты среди священнослужителей. В Вятке, например, было арестовано 20 участников пастырско-мирянского собрания. Было полностью уничтожено церковное руководство Пермской епархии во главе с архиепископом Андронником. В Оренбургской епархии было репрессировано более 60 священников, из которых 15 человек расстреляны. В Екатеринбургской епархии за лето 1918 года было расстреляно, зарублено и утоплено 47 служителей церкви.

В 1918–1919 годах погибли видные деятели Русской Православной Церкви, среди них митрополит Киевский Владимир, протоиереи Иоанн Кочуров, Пётр Скипетров, Иосиф Смирнов, Павел Дернов, игумен Гервасий, иеромонах Герасим, священники Михаил Чафранов, Павел Кушников, Пётр Покрывало, дьякон Иоанн Касторский, епископ Соликамский Феофан, архиепископ Воронежский Тихон, архиепископ Тобольский Ермоген, архиепископ Астраханский Митрофан, архиепископ Вяземский Макарий, архиепископ Енотаевский Леонтий, архиепископ Ревельский Платон и другие.

Многие священнослужители, монахи и монахини были зверски замучены большевиками: их распинали на царских вратах, варили в котлах с кипящей смолой, скальпировали, душили епитрахильями, «причащали» расплавленным свинцом, топили в прорубях.

По «Статистике гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке», подготовленной Православным Свято-Тихоновским Богословским институтом, только на 1918 год приходится 3000 расстрелов священнослужителей.

Надругательством над чувствами верующих явилось решение властей о повсеместном вскрытии мощей святых. 14 февраля 1919 года Наркомат юстиции издал постановление об организованном вскрытии мощей. Если в результате вскрытия обнаруживалось, что мощи не сохранились в целостности, то это обстоятельство выдавалось за обман со стороны Церкви».

В своей книге о Ленине Д.А. Волкогонов приводит одну из сводок 1922 года, которые регулярно составлялись во ВЦИК для доклада Ленину и в Политбюро:

«Ведомость

Количества собранных церковных ценностей по 1 ноября 1922 года

Золота – 33 пуда 32 фунта

Серебра – 23 007 пудов 23 фунта

Бриллиантов – 35 670 штук

Других драгоценностей – 71 762 штуки

Жемчуга – 14 пудов 32 фунта

Золотой монеты – 3115 руб.

Серебряной монеты – 19 155 руб.

Различных драгоценных вещей – 52 пуда 30 фунтов

Кроме указанных церковных ценностей отобраны антикварные вещи в количестве 964 предмета, которым будет произведена особая оценка».

И далее автор пишет: «По решению Политбюро немалая часть конфискованных ценностей оставалась на местах для нужд местных властей. Значительные средства шли на обеспечение партверхушки. Тысячи отобранных у буржуазии домов в Подмоскowie обставляли кон-

фискованной мебелью. Рождался новый социальный слой – партократия, советская буржуазия. Начиная с 1920 года члены Политбюро, секретари ЦК, наркомы, комиссары разных рангов ездили пачками на лечение и отдых за границу. Главным образом в Германию. Очень часто в протоколах Политбюро встречаешь такие записи, как, например, «О болезни т. Рыкова. Озаботиться о представлении ему молочной диеты». О том же человеке Политбюро ещё раз решает в самый приступ всероссийского голода: «Обязать т. Рыкова выехать за границу для постановки диагноза и лечения».

Рушили не только церкви, но добрались и до святынь. Например, П. Красиков, работник Наркомата юстиции, занимавшийся церковью, близкий знакомый Ленина, из Костромы сообщил, что «серебряная гробница» с мощами Варнавы должна быть конфискована. «Вскрытие должно быть обязательно рассчитано на последующее удаление так называемых мощей». Красиков заключает: «Если ожидаются крупные осложнения – немедленно сообщить в ГПУ». Политбюро одобряет изъятие «серебряной гробницы». И так оскопляли, уродовали, уничтожали христианство на Руси.

Но что мощи Варнавы? Раньше других надругались над святыми мощами великого духовника Сергия Радонежского, олицетворителя высокого православного и российского начала. Тот же усердный Красиков постарался из факта вскрытия мощей сделать пропагандистскую киноленту. Просьбы и протесты патриарха Тихона, молившего не допускать богохульства, не были услышаны. Запустили руки и в Киево-Печерскую лавру. Украинская комиссия хотела использовать ценности на месте под видом помощи детям. Из Москвы раздался окрик: передать конфискованное в общесоюзный бюджет, оставив для детей лишь 25 процентов.

Такая же судьба разграбления досталась Троице-Сергиевой лавре, другим святым захоронениям. По настоянию Ленина выходит постановление Наркомата юстиции «О ликвидации мощей». Так большевики снискали себе сомнительную славу «гробокопателей». Комплекс святотатства был им неведом.

Миллионы людей голодали, священников расстреливали, а партийная элита искала пути инициирования мировой революции с помощью церковного золота, не забывая и о себе».

Характерно, что из 4,6 миллиона собранных до развёртывания кампании по изъятию церковных ценностей по предложению Троцкого было решено 1 миллион золотых рублей потратить на закупку хлеба для голодающих с развёртыванием вокруг этого широкой агитационной кампании. При этом никакого механизма контроля за расходованием этих средств создано не было. По утверждению историков, «составленная на один лишь апрель 1922 г. смета технических расходов Московской, Петроградской и губернских КИЦЦ была утверждена Малым СНК в сумме 1 559 592 золотых рубля (запрашивали 2 000 006), но потом разрешали и сверхсметные расходы. Это только расходы на упаковочные материалы, грузчиков, транспорт, с прибавлением части расходов на агиткампанию и на московское совещание обновленческого духовенства. Главные расходы на агитацию шли по другим сметам. Сюда не включены также основные расходы на кампанию, связанные с массовым применением по всей стране революционного насилия по отношению к верующим и духовенству» (Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг.).

2

Весной 1922 года Евгений Александрович прибыл в уютную Москву «с прораставшей сквозь булыжник улиц травой, скамеечками у деревянных домишек с вечно сидевшими на них старушками, хрипом гармошек» и огромными лужами после дождя.

«Старая Москва тогда соседствовала с новой, точно так же, как и старые названия её улиц», – напишет Г.В. Андреевский в книге о её повседневной жизни. По его мнению, «переплелись в названиях московских улиц история, география и религия. Церковь Иоакима и Анны вызвала к жизни название «Якиманка», мирная тишина за Пресней побудила жителей назвать улицу «Тишиной», а за ней и переулки – Тишинскими. Существовали в Москве два Таракановских переулки (Первый в своё время назывался ещё Арбатец) и Таракановская улица. Это там, где теперь станция метро «Сокол», слева от Ленинградского шоссе. А там, где теперь Новый Арбат, находилась Собачья площадка...»

В день приезда Тучкова по всей Москве было густо расклеено последнее произведение художника Дени – плакат в красках, разделённый на две половины: «на левой изображена часть церковного иконостаса и коллекция священных сосудов, обязательно украшенных драгоценными камнями, и среди этого церковного богатства стоит во всём велелепии Патриарх. Митра, облачение, посох и все атрибуты его сана тоже унижены всевозможными драгоценностями. Всё приблизительно даже похоже на действительность, причём лицо Патриарха не окарикатурено и вышло очень даже похожим, и таким симпатичным и умным (как оно есть), но почему-то на всех пальцах обеих рук подрисованы драгоценные перстни. Что это – малограмотность художника или провокаторство печати? В руках Патриарха – свиток, на котором напечатана та часть его воззвания, где Патриарх говорит, что по канонам церкви сдавать священные сосуды, хотя бы и добровольным пожертвованием, на другое назначение – дело святотатственное и караемое отлучением мирян и лишением сана духовных. На правой половине плаката изображена семья голодных, простирающих костлявые руки к этим драгоценностям.

Кроме того, московские стены испещрены различными воззваниями на эту же тему, которую в коротких словах можно изложить так: «Рабочие, идите и тащите из церквей серебро, золото и камни, а тех, кто мешают этому, забирайте в каталажку». Воззвание самой партии большевиков составлено в таких оскорбительных для веры и отцов духовных выражениях, что я брезгую воспроизводить его содержание. Такой подход к кампании «изъятия церковных ценностей в пользу голодающих» нравственно понижает цену этой – как ни говори – великой народной русской исторической жертвы, и чреват последствиями для... евреев. Про них нехорошо стали поговаривать. «Вот я сегодня слышал, что на днях «изъятчики» заявили «обдирать» храм Василия Кессарийского на Тверской. Большинство из них будто бы евреи. И говорят ещё, что они устроили себе тут же в храме самоварчик и покуривали там. Если это правда, то не жалко, что и бить их будут; если неправда, то всё-таки бить их кому-то хочется, и такими сплетнями рать собирается», – запишет в своём дневнике москвич Н.П. Окунёв.

Разговоры, которые фиксирует летописец, действительно имели под собой реальную почву. Например, в очередной сводке ОГПУ «Об антисемитской работе духовенства» под грифом «Совершенно секретно» говорилось: «Церковниками непрерывно ведётся агитация «за веру», «за родину», «за Христа» и т. д. Агитация принимает то открытую, то явную форму и носит яркий отпечаток национализма, в черносотенном понимании этого слова. Смысл всей агитации – натравить обывателя на «жидов». Отдельные скрытые прорывы и имеющийся материал дают все основания для утверждения антисемитской подоплёки агитации и стремления использовать против власти таящийся антисемитизм.

Начиная с самого собора 1917 г. всё духовенство, а с 23 года тихоновское, в своих проповедях, беседах, посланиях вбивают мысль о гонении на веру со стороны «жидов». Во многих

случаях слово «жид» не говорится открыто, а заменяется словами «чужеземец», «иноверец». Все члены ВКП(б) и сторонники советской власти объявляются или «жидами», или продавшимися «жидами».

Основным содержанием агитации является изложение так называемых «Протоколов сионских мудрецов», написанных Нилусом в 1921 г. в книге под названием «Антихрист» и изданной в Петербурге и напечатанной в Киево-Печерской лавре. Несколько экземпляров этой книги, трактующей о захвате евреями всего мира, отобраны у арестованных церковников-черносотенцев...

Очень редки случаи агитации за христианство, за веру, за Бога, против отделения церкви от государства без указания на то, что большевики-жиды изгоняют православных из храмов, издеваются над православной верой.

Излюбленным мотивом против антирелигиозной пропаганды является утверждение, что «только христиане ругают свою веру», а еврейскую и татарскую не трогают. «Вся поповщина», при поддержке в этом случае сектантства, использует антисемитизм против безбожья.

Во многих случаях контрреволюционной пропаганды в церковном духе усиленно муссируются утверждения о «жидовском» происхождении наркомов и местных властей. В случае же закрытия церквей противники закрытия заявляют: «Жида отбирают церкви».

Среди же беспоповцев Урала (старообрядцы) до сего времени пользуются популярностью разговоры на тему об отбирании церквей под синагоги.

Взрыв антисемитской агитации наблюдался при изъятии церковных ценностей в 1922 г. В Шуе и Вознесенске и других местах озлобленные толпы кричали: «Снять все ценности с жидов, комиссаров и их жён, а церковные не трогать». Агитаторы разжигали настроение масс указаниями «жида отбирают ценности». В Ленинграде во время беспорядков при изъятии церковных ценностей в толпе раздавались прямые угрозы и призывы: «Идём бить жидов». Священник Огородников в Марийской области в том же году призывал не отдавать ценности, так как отбирают «жида», звал объединяться, вооружаться и идти против «жидов».

Московский процесс в 1919 г. над причтом церкви Василия Блаженного по поводу «святого отрока Гавриила», убиенного евреями, и заявление епископа Рязецева на допросе в 1923 г. в том, что у него нет уверенности в отсутствии у евреев ритуального употребления человеческой крови, в достаточной степени характеризуют живучесть антисемитских настроений поповщины...»

Что ж тут говорить, если Л.Д. Троцкий, выступая с пламенной речью 17 июля 1924 года на совещании клубных работников, подчёркивал: «В антирелигиозной борьбе, периоды открытой лобовой атаки сменяются периодами блокады, сапы, обходных движений. В общем и целом мы именно в такой период сейчас и вошли, но это не значит, что мы в дальнейшем ещё не перейдём снова к атаке развёрнутым фронтом. Нужно только подготовить её...»

Поселился Евгений Александрович со всем своим семейством не где-нибудь, а в Серафимо-Дивеевском подворье, что располагалось на 1-й Мещанской улице в центре Москвы, поближе к Лубянке. Будут теперь его называть и «главпопом», и «красным игуменом». Первое «звание» ему присвоили в высших партийных кругах, а второе, как ни странно, в самых что ни на есть церковных.

Кроме жены, поселилась рядом с молодым и перспективным чекистом его старшая сестра, которую он вежливо величал не иначе как «мамашей». Не потому ли её частенько принимали за мать, вызванную в столицу для благой жизни из деревни. А старшей сестре подворья (действительно) матушке Анфии пришлось несколько потесниться.

«Служебное положение матушки Анфии, – отметит историк Русской Церкви М.Е. Губонин, – стало особенно острым и сложным после того, как неожиданно вселился в подворье «сам», всемогущий тогда, разрушитель Церкви Русской, Евгений Александрович Тучков со своей престарелой «мамашей» весьма юркой и миниатюрной старушонкой, чрезвычайно рели-

гиозной и большой любительницей торжественных богослужений. Вельможа Е.А.Тучков, расположившись в покоях Серафимо-Дивеевского подворья, убил сразу двух зайцев. Во-первых, приобрёл прекрасную, комфортабельную и бесплатную квартиру со всем ассортиментом полагающихся коммунальных удобств и, во-вторых, с самого момента въезда сюда, заимел ровно столько весьма услужливых, почтительных и так же бесплатных горничных, прачек, кухарок и уборщиц сколько было сестёр в Дивеевском подворье. Смекалистая матушка Анфия, конечно, нисколько не растерялась и прекрасно учла все те неисчислимы «блага», которые проистекали для подворья из самого факта проживания «самого» и непосредственно руководила обслуживанием и улагодворением «Евгения Александровича» и «ихней мамашы» («Спаси их, Господи!»).

Справедливости ради следует отметить, что в те незабвенные годы, когда ложаешься спать, люди не были уверены в том, пробудут ли они в своей постели до утра сёстры Дивеевского подворья прекрасно и безмятежно почивали на своих перинах, поскольку «ангелом-хранителем» их являлся сам «Евгений Александрович!» За годы своего сожителства на подворье он многократно оказывал всякого рода покровительство и некоторое, так сказать, пособие в хозяйственных и бытовых нуждах как подворью в целом, так и отдельным его насельникам, коль скоро по тому или иному поводу они прибегали под его высокую руку...

Так, например, Евгений Александрович, заранее осведомлённый по своим каналам, в свою очередь своевременно оповещал всех этих «лампадок» о местах предстоящих торжественных богослужений Святейшего Патриарха Тихона или архиепископа Иллариона (Троицкого), которого особенно любили и почитали верующие москвичи...

В таких случаях группа дивеевских монашек, облачившись должным образом и прихватив с собою «мамашу» отправлялись по указанному «Евгением Александровичем» адресу...

«Мамаша», конечно, тоже была довольна, так как при этих паломничествах ей, естественно, обеспечивалось самое лучшее место в храме (где-нибудь на клиросе), какая бы давка не была в храме. Поэтому в позднейших разговорах, когда речь заходила о той, минувшей уже эпохе самодержавного царствования в Церкви Е.А.Тучкова, мать Анфия, хоть и со вздохом, но неизменно благосклонно отзывалась об этой, слишком хорошо известной, исторической (как никак) личности. «Ну да уж что вы! Скажет, бывало, она, с Евгением-то Александровичем ещё жить можно было... Куды! Он, бывалочи, нам всёж-таки немало помогал другой раз. То ордер на дрова даст, то глядишь ещё чего... Мы уж ему премного благодарны. А то ведь другой-то давно бы уж нас всех разогнал: кого куды (и костей не соберёшь!)...» И задумавшись о чём-то невесёлом, покивав своей старческой головой как бы в подтверждение этих невысказанных мыслей, добавляла: «Нет, ничего, он мущина был обходительный. Не какой-нибудь фулюган, спаси его Господи!».

Уж Анфия знала, что говорила, «фулюганов» тогда было в избытке. Да ещё каких, в кожанках и с маузерами!

3

В дверях Московского трибунала он появился как свидетель. «Вместо наперстного Креста у него на груди крупный образок (панагия). Окладистая, но довольно редкая борода, седой волос на голове. Лицо розовато-благодушное, старчески слезящиеся глаза. Поступь мягкая и сутулые полные плечи», – зафиксировал писатель М. Криницкий.

Как только его плотная фигура входит в зал и делает сначала лёгкий поклон в сторону публики, а затем благословляет её, сложенными пальцами обеих рук, три четверти присутствующих безмолвно поднимаются со своих мест.

Начинается театрализованное новой властью представление.

Председатель: Ваша фамилия?

Патриарх: Белавин.

Председатель: Имя, отчество?

Патриарх: Василий Иванович, в монашестве патриарх Тихон.

Председатель: Вы являетесь главным руководителем церковной иерархии?

Патриарх: Да.

Председатель: Вы вызваны в Трибунал в качестве свидетеля по делу о привлечении разных лиц за сопротивление изъятию церковных ценностей в пользу голодающих. За ложные показания вы отвечаете. Расскажите историю происхождения вашего послания – того воззвания, в котором вы высказались против выдачи церковных ценностей, сосудов и т. д.

Патриарх: Простите, это от какого числа?

Председатель: От 13 февраля. Историю происхождения вот этого воззвания и расскажите Трибуналу.

Патриарх: Видите ли, по поводу голодающих мы не раз обращались к властям, мы просили, чтобы нам разрешили образовать Церковный Всероссийский комитет и комитеты на местах, епархиальные, для того, чтобы Церковь могла сама оказывать помощь голодающим; с этим мы обратились, кажется, ещё в августе прошлого года. В августе и сентябре мы ответа не получили. Ответ я получил от ПОМГОЛа в декабре месяце. Мною был командирован в ПОМГОЛ, как сведущий в этом деле, протоиерей Цветков, он не раз работал в этой области в 1911–1912 гг. В ПОМГОЛе вели переговоры с тов. Винокуровым, который этим делом заведует. Тов. Винокуров высказал пожелание о том, чтобы Церковь наша пошла навстречу помощи голодающим и пожертвовала из своих ценностей. Протоиерей Цветков сказал, что в Церкви имеются вещи, которые мы не можем, по нашим канонам, жертвовать. Тов. Винокуров на это заявил, что мы этого и не требуем, но хорошо, если бы вы пожертвовали подвески, камни, потом украшения. Цветков сообщил об этом мне. Я тогда согласился на это. Так как знал, что воззвания должны выпускаться с ведома властей, я представил в ПОМГОЛ проект своего воззвания о том, что можно жертвовать. При этом я имел в виду, что собственно церковное имущество было передано общине верующих, и я выразился так, что, со своей стороны, разрешаю жертвовать вот такие вещи. Это воззвание после было одобрено.

Председатель: Кем?

Патриарх: ПОМГОЛом. Затем была составлена инструкция, как проводить это дело. Между прочим, в инструкцию внесён был такой пункт, что все эти пожертвования церковные являются добровольными. Потом через несколько дней, когда воззвание было напечатано, – дней через пять – вышел уже декрет ЦК о том, чтобы отбирать всё. Это показалось нам странным: с одной стороны, ведётся соглашение с нами, с другой – за спиной выпускают декрет о том, чтобы всё отбирать, и уже ни о каких соглашениях нет речи. Тов. Винокуров сам выбросил из инструкции тот пункт, который сам же раньше подчеркнул, именно что эти пожертвования являются добровольными. Не говоря о том, что в газетах началась травля патриарха и церков-

ных представителей, князей Церкви и т. п. Я обратился с письмом к Калинин, где написал ему, что было соглашение отдавать то-то, а теперь требуют то-то.

Затем было внесено тов. Винокуровым, что это было добровольное пожертвование, и он выбрасывает этот пункт из инструкции. Я просил в письме Михаила Ивановича, чтобы этот пункт был восстановлен, чтобы это было добровольным соглашением, а то иначе нам придётся поставить в известность, так сказать, население, и вот ответа не последовало. Вероятно, Калинин передал записку и ответа не получил. А на местах стали отбирать; кажется, в Петрограде. И вот тогда я выпустил послание, так как ко мне обратились и миряне, и духовенство, и не из Москвы только, а из других епархий, и высказал ряд церковных канонов. Но, конечно, никакой контрреволюции я тут не видел.

Председатель: Вы не вполне мне ответили на вопрос о возникновении послания. Почему оно возникло – это ясно, но как оно возникло? Вы лично его написали?

Патриарх: Лично.

Председатель: Собственной рукой?

Патриарх: Да.

Председатель: Не помните, какого числа?

Патриарх: В начале, кажется, первой недели, так 13–14 числа.

Председатель: Тринадцатого числа?

Патриарх: Да.

Председатель: Трибунал имеет в виду послание, которое заканчивалось сообщением, что за выдачу священных сосудов миряне караются отлучением от Церкви, а пастыри низложением из сана. Вот этот конец был тогда же написан?

Патриарх: Тогда же. Это было в начале первой недели.

Председатель: Какой общий порядок у вас составления посланий?

Патриарх: Вы спрашивали меня – кто был инициатором. Я говорил, что я, и что не принимает ли участие профессор Громогласов и другие.

Председатель: Трибунал интересуется вопросом: какой общий порядок написания посланий у вас был всегда? Вы сами, или у вас были помощники, сотрудники, советники, которые бы обдумывали текст воззваний?

Патриарх: Текст воззвания и обдумывают, может быть, иногда, но я сам пишу. Раз моя подпись, то я и отвечаю за это.

Председатель: Кто ещё вырабатывает эти воззвания?

Патриарх: Раз я отвечаю, то какое это имеет значение, кто помогает или вырабатывает?

Председатель: Трибунал интересуется вопросом об управлении иерархией. Как идёт управление? И вопрос о воззваниях: пишутся ли они собственной вашей рукой или могут быть составлены кем-нибудь другим и представлены на ваше утверждение?

Патриарх: Это я сам составлял, а послание в ПОМГОЛ составил отец протоиерей Цветков, потому что это дело он вёл. А к этому воззванию он никакого участия не имел.

Председатель: Считаете ли вы, что жертвовать нужно всё, что предусмотрено декретом Центрального Исполнительного Комитета, кроме священных сосудов, или ещё что-либо нельзя жертвовать?

Патриарх: Да, я находил, что это вообще надо.

Председатель: Кроме священных предметов?

Патриарх: Имеет широкое значение, казалось бы, всё, что освящено практикой, но так как есть разница между кадилом или кропилом и сосудом, то, конечно, можно.

Председатель: Вы сделали разграничение?

Патриарх: Но в общем в целом не определяли, что можно взять и чего нельзя. Не с вашей, конечно, точки зрения. Только сосуды.

Председатель: Значит, можно так считать, не только одни сосуды, но и разные священные предметы богослужения?

Патриарх: Но это так нельзя сказать. Я о сосудах сказал, что их безусловно нельзя.

Председатель: А другое более или менее?

Патриарх: Да.

Председатель: Вы говорили о травле, которую вела печать. Что вы хотели этим выразить?

Патриарх: Это надо спросить у тех, кто её поднимал, с какой целью она поднимается.

Председатель: Но вы сочли нужным сослаться на эту травлю, которая, по вашим словам, велась в газетах специально с этим вопросом. Чем вы объясняете, что вот сейчас вы вдруг вспомнили о травле, когда даёте показания?

Патриарх: Да не только вспомнил, но и теперь эта травля продолжается.

Председатель: Так вот, может быть, вы объясните, почему вы указываете на газетную травлю, для какой цели?

Патриарх: А потому, что я вам передавал содержание письма к Калинин и просил его обратить внимание не на меня лично, а вообще на Церковь.

Председатель: Правильно ли делает Трибунал заключение, что то, что происходило в советской жизни, отдельные факты и всё, вместе взятое, так действовали на вас, что оказывали известное влияние даже на текст вашего послания?

Патриарх: На текст нет, но, конечно, я читаю газеты. Я не дерево и не камень.

Председатель: Значит, вы совершенно сознательно вставили в послание фразу о том, что после выпадов в газетах был издан декрет?

Патриарх: Это тоже исторический характер имеет.

Председатель: Но это имеет характер религиозный или ничего общего с религией не имеющий?

Патриарх: Тут излагается история этого дела. Тот вопрос, который мы ставили. Вот что мы просили, и между тем нам – вот что.

Председатель: А между тем вам дали декрет об изъятии. Значит, правильно понимал трибунал, что вы составляли воззвание, учитывая все настроения, которые были в обществе в связи с предстоящим фактом изъятия, учитывая статьи, которые появлялись в печати, самый декрет и т. д. Вы считали необходимым, учитывая всё это, апеллировать к вашей пастве и дать ей известные директивы, как ей нужно реагировать?

Патриарх: Травля имеет побочное значение. Не из-за неё, а потому, что по канонам нельзя.

Председатель: Тем не менее вы исходили из того, что делалось в обществе?

Патриарх: Да, в обществе.

Председатель: Значит, правильно поймёт Трибунал, что здесь вами руководило в большей степени всё-таки то, что вам нужно было ответить на то, что, как вы сказали, у вас за спиной был выпущен декрет и нужно было сказать, как на него реагировать?

Патриарх: Нет, не так. Я излагал историю, что мы можем дать и что не можем дать.

Председатель: Вы употребили выражение, что вели переговоры, а в это время за спиной был выпущен документ. Вы употребили это выражение?

Патриарх: Да.

Председатель: Значит, вы сочли, что декрет был скрыт от вас, что ему было придано значение гражданской жизни, которая проходила рядом с вами?

Патриарх: Но она касалась Церкви.

Председатель: Значит, вы считали, что произошёл некоторый конфликт между церковной иерархией и советской властью?

Патриарх: Да, я думаю, что если советская власть выступила через ПОМГОЛ, то нужно было действовать.

Председатель: Таким образом, вы считали, что советская власть поступила неправильно, и были вынуждены выпустить воззвание?

Патриарх: Да.

После председателя берёт слово обвинитель: Вы признаёте, что церковное имущество не принадлежит церквям в смысле иерархического их построения по советским законам?

Патриарх: По советским законам – да, но не по церковным.

Обвинитель: Ваше послание касается церковного имущества. Как же понимаете вы с точки зрения советских законов, законно ваше предложение или нет?

Патриарх: Что это?

Обвинитель: Ваше послание...

Патриарх: Это вам лучше знать, вы – советская власть.

Председатель: То есть вы говорите, что судить вам, а не нам. Тогда возникает вопрос: законы, существующие в государстве, вы считаете для себя обязательными или нет?

Патриарх: Да, признаю, поскольку они не противоречат правилам благочестия. Это было написано в другом послании.

Председатель: Вот в связи с этим и ставится вопрос: не с точки зрения церковных законов, а с точки зрения юридической, вот имеется закон о том, что всё церковное имущество изъято от Церкви и принадлежит государству, следовательно, распоряжаться им может только государство, а ваше послание касается распоряжения имуществом и даёт соответствующие директивы – законно это или нет?

Патриарх: С точки зрения советского закона – незаконно, с точки зрения церковной – законно.

Обвинитель: Значит, с советской точки зрения незаконно, и это вы учитывали и знали, когда писали послание?

Патриарх: В моём послании нет, чтобы не сдавать. А вот я указываю, что, кроме советской, есть церковная точка зрения, и вот с этой точки зрения – нельзя.

Обвинитель: Вы говорите, что не указывали, чтобы не подчиняться советской власти. А как вы думали, в какое положение поставили своим посланием верующих?

Патриарх: Они сами могут разобраться. Я выпустил послание и отдал его Никандру для того, чтобы он сообщил в Синод и епархии...

4

«4-го апреля в пленуме Моссовета (Московского совдепа) очень ругали Патриарха и всё духовенство якобы за агитацию против добровольной выдачи церковных ценностей и постановили провести декрет ВЦИК об изъятии «неуклонно, твёрдо и энергично».

Впоследствии так и сделано, да никто им и не мешал. Напрасно только изволили лаяться. В некоторых церквях изъято серебра по несколько пудов, а в некоторых – десятки пудов. Подожду конца изъятий и запишу собранное (вернее сказать, «содранное») церковное богатство в итоговой сводке», – запишет в своём дневнике москвич Н.П. Окунёв.

Перед Пасхой 1922 года в Москве появилось множество объявлений. Одно из них красноречиво подчёркивает колорит того времени: «Ты говоришь, к Пасхе нельзя купить коньяк? Так купи вино В.Г. Сараджаева. Магазин: Тверская, 22».

«С 31 марта по 27 апр. Включительно по Москве изъято в церквях: 3.059 пуд. 28 ф. 45 зол. 72 доли 400 р. серебра, 2 пуд. 21 ф. 86 зол. 76 долей 500 р. золота; брильянтов, алмазов и розочек 3.658 шт., жемчуга 17 ф. 67 зол. 40 долей, рубинов 1.178 шт., изумрудов 1.887 шт., драгоценных камней 1 пуд. 72 золотника (каких ещё?!), и много других ценных вещей, описанных поштучно», – отмечает Окунёв.

«Злоба дня», как бывало говорили в «добрые старые дни», – судебный процесс о сопротивлении (якобы) изъятию церковных ценностей. Газетные застрельщики натянули свои клеветнические луки до угрожающего предела. По их гарканьям (или карканьям), процесс «вскрыл возмутительную картину заговора против советской власти под видом защиты религии», и что «Патриарх и его штаб – организаторы и руководители обширного контрреволюционного заговора» (распни Его, распни!). К концу процесса вызвали в трибунал свидетельствовать самого Патриарха. Вот и началась пальба из всех орудий. «Стреляли», собственно, не только в безоружных, но и в «лежачих». Особенно усердствовали Стеклов, Пётр Ошевский, Марк Криницкий, Л. Николаев, Д. Фибих и, конечно, «лауреат» по этой части М. Горев (Галкин). (К слову сказать, Ошевский и Криницкий когда-то писали и то, что угодно было Ивану Дмитриевичу Сытину. И без сомнения, стали бы писать верноподданническое и Патриарху, если бы тот был сейчас в силе.) Ошевский и Криницкий трянули стариной, написали по поводу допроса на суде Патриарха несколько хлестких фельетонов «Под Дорошевича». Старые читатели «Русского слова» «прочтут с удовольствием», да и я, пожалуй, прочёл не без удовольствия, ибо, как они ни оплёвывали «гражданина Василия Ивановича Белавина» (так официально именовали на суде Святейшего Патриарха Тихона), всё-таки он вышел из-под перьев самим собой, а не навязываемым ему бесчестными усилиями проголодавшихся бывших сотрудников «Новостей дня» и «Московского листка» типом черносотенного, властолюбивого и трусливого попа. Вот так же, как Островский вылезал из фердинандовских лохмотьев в своём прекрасном наряде, так и Патриарх вышел из оскорблявшего его трибунала... Патриархом, а не каким-то Белавиным».

Председатель: Вам известно, что было в Шуе при изъятии?

Патриарх: Известно.

Обвинитель: Ну вот это, что было в Шуе, и есть результат того, что вы предоставили своим гражданам разбираться.

Патриарх: Почему же вы думаете, что это? А в других местах граждане иначе разбирались.

Обвинитель: А как в Москве происходило изъятие, вам известно?

Патриарх: По газетам.

Обвинитель: И вам известно, что здесь граждане тоже сами разбирались?

Патриарх: Знаю, что в громадном большинстве совершенно спокойно.

Обвинитель: А в некоторых местах?

Патриарх: Знаю, что в Дорогомилове...

Обвинитель: Вам известны взгляды священников на это воззвание?

Патриарх: Каких священников – московских?

Обвинитель: И других местностей.

Патриарх: Мною было сделано Никандру...

Обвинитель: Вам известно, что среди духовенства имеется противоположная точка зрения на возможность изъятия ценностей?

Патриарх: Известно, что среди московских больше, и среди тех, кого вы называете «новая церковь», или «живая церковь».

Обвинитель: А вот профессор Введенский.

Патриарх: Он протоиерей, а не профессор.

Обвинитель: Вот он как будто с другой точки зрения смотрит.

Патриарх: Нет. Он не против, он пишет, что митрополит говорит: подвески выше и ценнее тех риз, которые снимаются с икон.

Снова берёт слово председатель: Обвинители имеют вопросы?

Обвинитель: Вот здесь один из священников сказал так: если бы патриарх Тихон не был патриархом, а на его месте стоял бы тот, который разделяет точку зрения другой части духовенства, то, может быть, не было бы кровавых событий в Шуе. Как же ответить на этот вопрос? Ваш взгляд – если бы вами не было выпущено воззвание, если бы вами было сказано о том, что сдавайте все ценности, – было бы такое противодействие?

Патриарх: Мы можем говорить только о том, что случилось, а то, что не случилось, – Бог знает.

Председатель: Обвинитель интересуется следующим вопросом: в вашем послании употребляется слово «святотатство» – это слово имеет для широкого населения достаточно определённое значение; если сказать, что вот в такой-то церкви производится святотатство, то могут ли не возмутиться верующие и не вызовет ли это с их стороны всех усилий, чтобы не допустить святотатства; и ещё далее, когда вы бросаете лозунг святотатства и что все, которые не окажут сопротивления, будут отлучены от Церкви, а священники низложены из сана, то не действует ли это возбуждающе на слои населения, тех граждан верующих, которые не могут разобраться в тонкостях церковной терминологии?

Патриарх: Если бы я этого не указал, то я подлежал бы церковному суду.

Обвинитель: А вот здесь проходила экспертиза, в которой приняли участие профессор Кузнецов, епископ Антонин и двое священников, один – Ледовский...

Патриарх: Какой это Ледовский? Кто это такой?

Обвинитель: Вы не знаете такого?

Патриарх: Не знаю.

Обвинитель: Вот они установили: на поставленные им вопросы: «Носит ли ваше воззвание строго религиозный характер?» – что такого характера оно не носит. А на вопрос: «Какие основные вопросы христианского вероучения затронуты вашим воззванием?» – они ответили: «Никаких». Таким образом, остаётся сделать вывод, что оно носит явно политический характер.

Патриарх: Профессор Кузнецов не сказал, что это не религиозного характера.

Обвинитель: Постольку поскольку оно затрагивает вопросы церковного имущества.

Патриарх: Есть вопросы не то что религиозные, есть вопросы догматические, таковых нет в послании, но есть вопросы канонические, таковые есть. А религиозные – это не совсем точный термин.

Председатель: Экспертиза установила, что ваше воззвание религиозного характера не носит и никаких вопросов христианского вероучения не затрагивает. Когда это было выяснено

экспертизой и наряду с этим установлен смысл и значение слова «святотатство», которое не могло не действовать разжигающе на население, и затем ваша угроза в конце послания об отлучении, то естественно возникает вопрос: «Не последовало ли это послание цели чисто политического характера?» – т. е. вызвать население на почве защиты Церкви к действиям против правительства. Вот этот вопрос и ставит вам обвинитель, он также интересен для Трибунала. Считаете ли вы до сих пор, что ваше воззвание действительно не затрагивает вопросов политического характера и является возванием строго религиозным?

Патриарх: Позвольте вам сказать, я уже отвечал, что я могу сказать, что беру христианским учением, потому что это церковная каноника и церковное управление имуществом, это не вероучение. Но, во всяком случае, оно носит религиозный характер, и я думаю, что эксперты глубоко заблуждаются, они, может быть, конца не читали, а затем, экспертиза может просто быть другая.

Председатель: Значит, вы с этой экспертизой не согласны?

Патриарх: Не согласен.

Обвинитель: Вот экспертиза отвечала на вопросы: «Является ли изъятие священных предметов для целей милосердия святотатством или кощунством?» – и ответила: «Не является».

Патриарх: Напрасно.

Обвинитель: Значит, вы считаете, что это святотатство?

Патриарх: По канону.

Председатель: А не по канону?

Патриарх: Может быть, с точки зрения нравственности и благотворительности.

Председатель: Разве каноны не являются выражением нравственности?

Патриарх: Не всегда. Есть вера, а есть церковное управление. Это разные области.

Обвинитель: Я прошу, чтобы свидетель объяснил, как понимать святотатство по канону?

Патриарх: По канонам это святотатство.

Обвинитель: А с точки зрения нравственности?

Патриарх: Они указывали, что знают примеры, что Златоуст и Амвросий передавали и оправдывали, это и нам известно, и это мы знаем.

Обвинитель: Да что же это – святотатство или нет?

Патриарх: Это совсем другой термин, это канонический термин. Он непригоден к нравственности.

Председатель: А с какой другой точки зрения можно подойти к этому вопросу?

Патриарх: С точки зрения христианской благотворительности.

Обвинитель: Значит, с точки зрения благотворительности – это не святотатство?

Патриарх: Не святотатство.

Обвинитель: Значит, можно думать, что вы предпочли законы – христианской нравственности?

Патриарх: Нет, когда Церковь сама распоряжается этим имуществом, тогда можно, и эксперты должны были указать, когда ссылались на Златоуста, Амвросия и других, что они сами передавали. Церковь имеет право, патриарх имеет право.

Председатель: Значит, с точки зрения христианской благотворительности это не святотатство, но с оговоркой, если это будет сделано руками самой Церкви. Вы не видите в этом ничего странного?

Патриарх: Не вижу.

Обвинитель: Таким образом, если бы патриарх сам дал своё благословление по иерархической линии, то можно было бы сосуды отдать!

Патриарх: Я за это отвечаю перед судом Церкви.

Обвинитель: А перед совестью отвечаете? Вы говорили, что, с одной стороны – миллионы голодающих, умирающих, а с другой – мёртвые канонические правила, и вы не дали своего благословения и теперь подтверждаете, что по канонам отдать ценности могла только одна сама Церковь.

Патриарх: Сама Церковь непременно.

Обвинитель: Вот здесь один из обвиняемых сказал очень сходные с вами слова, что если бы патриарх благословил, то моя пастырская совесть была бы спокойна. Я вас так понял?

Патриарх: Так.

Обвинитель: Значит, в этом вопросе можно понять, что вы эту пастырскую совесть не хотели успокоить?

Патриарх: Я вас не понимаю.

Председатель: Если бы вы дали своё благословение, то совесть пастыря была бы спокойна и он отдал бы всё. Но так как не было благословения, а чувство христианской совести ему подсказывало, что надо отдать, то совесть его была в смятении, поэтому Трибунал и делает вывод, что вы не только не успокоили совесть, но, наоборот, сделали так, что она должна быть неспокойна, и породили сопротивляющихся.

Патриарх: Нет, не сопротивляющихся, ведь я не стою на точке зрения вашей советской власти. Вы говорите: надо взять – и забираете.

Председатель: Я призываю вас к порядку. Вы находитесь в Трибунале. Трибунал судит и ничего не забирает.

Патриарх: Простите, я имел в виду...

Обвинитель: Скажите – мнение других священников было таково, что ваша ссылка на каноны совершенно ложна, – я просил бы поэтому ответить мне на следующий вопрос: что вы считаете святотатством и что означает этот термин, содержит ли он в себе оценку преступления?

Патриарх: Эти слова я взял из канона.

Обвинитель: Гражданин Белавин, я прошу вас отвечать на мои вопросы и желаю знать ответ без всяких увёрток: что значит святотатство? Вы, патриарх, можете ответить?

Патриарх: Забрать священные вещи.

Обвинитель: А слово «тать» – это что значит по-русски?

Патриарх: Тать – это вор.

Обвинитель: Значит, святотать – это вор по святым вещам?

Патриарх: Да.

Обвинитель: Такими вы нас считаете?

Патриарх: Кого?

Обвинитель: Представителей советской власти?

Патриарх: Нет, простите, то есть...

Сильный шум в зале.

Председатель обращается к публике, затем к суду, распорядителю, коменданту и предлагает удалить из зала всех шумевших во время дачи показаний и объявить перерыв...

5

Его родной город Псков был более всего замечателен похожестью на Москву необычайным обилием церквей. Безусловно, он был по сравнению с ней крошечным, но все старинные и довольно красивые церкви расположились там точно так же, на каждом шагу. И теперь, проживая в помещении московских архиереев в Троицком подворье Сергиевской лавры, что у Троицы на Самотёке, он часто думал о нём, как и о том, что написано в Священном Писании...

Прогуливаясь в небольшом и уютном садике, плотно отделённом от соседних дворов, патриарху вспомнилось пророческое предсказание родителя потомственного священника – Иоанна Тимофеевича Белавина. Однажды ночью он разбудил всех троих своих сыновей, когда они спали на сеновале. К нему пришло видение его покойной матери, и он сказал незабываемые слова: «Мне она предсказала скорую кончину, а, указывая на вас, прибавила: этот будет горюном всю жизнь, этот умрёт в молодости, а этот – Василий – будет великим». Нет, ему не показалось, видение действительно было. Было и другое. В Псковской семинарии будущего патриарха шуточно называли Архиерей, а в Санкт-Петербургской Духовной академии – Патриархом. Вроде бы прозвища, данные молодыми людьми, но откуда? Совпадение ли? Нет, так просто ничего не бывает.

Патриарх окинул взглядом высокий забор, на который любили взбираться детишки с соседнего двора. Потом прошёл через фруктовый садик, огород, мимо бани. Всё было запущено с приходом новой и страшной власти большевиков.

Он прекрасно понимал, что политические обвинения духовенства – это только ширма для богоборцев, за которой идут гонения на Церковь, идёт борьба с религией. И откуда они взялись, эти святотатцы? От какого дьявола произошли?

Когда-то, ещё в петровские времена, раскольники главной приметой антихриста называли табакокурение, что широко насаждалось царём. Сам табак они называли адским корнем, а дым изо рта курильщика свидетельствовал о сделке с дьяволом. Самого же Петра староверы считали посланником антихриста. В их понимании у Петра были все черты для этого: и огромный рост, и маленькие непропорциональные ступни, и сквернословие, и нелюбовь к собственному сыну, и способность не спать сутками.

А эти кто? Если делом жизни Христа явилось создание Церкви, а после себя он оставил Её пламенеющую духом любви, то антихрист делом своей жизни считает создание своей церкви, пламенеющей духом ненависти. Бог есть любовь, а дьявол есть ненависть!

6

Страстный очевидец тех лет Окунёв записывает: «...и церкви ободрали, и на Сухаревке новый товар ввели – «серебряный лом», и по постановлению Московского трибунала привлекают Патриарха и Архиепископа Никандра (бывших пока только «свидетелями») к судебной ответственности, направив соответствующие материалы для производства расследования в Наркомюсте, а также всех участвовавших на собраниях под председательством Архиепископа Никандра. Трибунал так мотивирует это «привлечение»: «С достаточной ясностью и полнотой установлено, что они, стоя во главе организации, называемой «Православной иерархией», разработали план кампании действий против изъятия церковных ценностей, составили воззвание, направленное против изъятия ценностей, и, распространив его через низшие ячейки церковной организации среди широких масс, вызвали многочисленные эксцессы».

К слову заметить: кто их вызвал, они сами вызвались! Так было и так будет!»

Председатель: Заседание продолжается.

Обвинитель: Логинов, продолжайте ваши вопросы.

Обвинитель: Я вам задал вопрос: сознательно ли вы в своём воззвании употребили выражение, которое должно быть отнесено к советской власти, выражение, по смыслу которого ясно, что вы представителей советской власти называете ворами?

Патриарх: Я привожу только каноны.

Обвинитель: Но смысл этого канона знаете?

Патриарх: Конечно.

Обвинитель: И этот смысл, что тать – значит вор, вам известен?

Патриарх: Конечно.

Обвинитель: Значит, это сделали сознательно?

Патриарх: Я вам отвечал.

Обвинитель: Я не слышал: сознательно ли вы в своём воззвании употребили это выражение или это случайность, или недоразумение?

Патриарх: Я привожу канон, это советской власти не касается.

Обвинитель: Как не касается? Кого же касается?

Патриарх: Кто это сделал бы.

Обвинитель: А кто это делал, разве не знаете?

Патриарх: Не знаю. Это, может быть, касается мирян, верующих.

Обвинитель: Вам известно, что представитель советской власти стоит на точке зрения выполнения декрета?

Патриарх: Известно. Но с точки зрения законов советской власти это правильно.

Обвинитель: Я прошу вас ответить на вопрос: зная, кто изымал ценности, сознательно или по ошибке вы употребили это выражение?

Патриарх: Конечно, не по ошибке.

Председатель: Значит, вы, употребляя эту ссылку на каноны, давали себе отчёт в том, что слово «тать» значит – вор, что в данном случае речь идёт о церковных ворах. Далее, вы знали, что изъятие церковных ценностей производится в порядке – по распоряжению, – указанном ВЦИК, т. е. высшего органа Республики. Таким образом, вы не могли не знать, что церковный вор в первую очередь относится к тем, кто это изъятие будет производить. Отсюда Трибунал может сделать вывод, что «церковные воры» вы употребили по отношению к существующей советской власти и вполне сознательно. Так это или не так?

Патриарх: Это толкование.

Председатель: Но это вытекает из ваших показаний.

Патриарх: Всё можно видеть, и даже контрреволюцию, которой я не вижу. Я привожу канон и указываю, что Церковь смотрит на это, как на святотатство. И это касается всех верующих, которые будут отдавать.

Председатель: У вас в воззвании сказано совершенно ясно, что с точки зрения Церкви является святотатством, и после этого определения вы там же в воззвании прибавили: «После резкого выпада газет по отношению к духовным руководителям 13/26 февраля Всероссийский Центральный Комитет для оказания помощи голодающим постановил взять из храмов все драгоценные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие богослужебные предметы. С точки зрения нашей, этот акт является актом святотатства», т. е. именно акт изъятия, и далее: «Мы священным нашим долгом почли выяснить взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сём всех верных чад наших». Разве не ясно, что здесь речь идёт о том самом акте, который был издан ВЦИК и называется декретом об изъятии церковных ценностей? Неужели и теперь не ясно, что именно этот акт является, с вашей точки зрения, святотатством?

Патриарх: Нет, с точки зрения канонов.

Обвинитель: Известна ли вам разница между святотатством и кощунством?

Патриарх: Да.

Обвинитель: Какая разница?

Патриарх: Святотатство – похищение священных вещей, кощунство – насмешка над ними.

Обвинитель: Надругательство?

Патриарх: Да.

Обвинитель: Если, с вашей точки зрения, могло быть надругательством прикосновение мирян к сосудам, то почему в своём воззвании вы говорите общие выражения: «Изъятие ценностей есть святотатство и кощунство»? Почему вы не узнали точно, что это относится к прикосновению не к кадилу, а именно к священным сосудам?

Патриарх: Все случаи трудно указать. Например, при уборке выходило, что снимали ризу, и она не входила в ящик, тогда её топтали ногами.

Обвинитель: Когда это было?

Патриарх: В церкви Василия Кесарийского.

Обвинитель: Кто это вам передавал?

Патриарх: Батюшки.

Обвинитель: Вы можете назвать?

Патриарх: Я, по крайней мере, посылал к Преосвященному Антонину, и он участвовал в самой контрольной комиссии.

Обвинитель: И у вас даже, таким образом, не установлены фамилии?

Патриарх: Это уже их спрашивайте.

Председатель: Свидетель Белавин, вы только что видели, какое впечатление производят на некоторые элементы, присутствующие здесь, в зале, ваши слова. Раз вы передаёте такой факт, как совершенно достоверный, то вы обязаны подтвердить доказательствами. Иначе это носит голословный характер.

Укажите фамилии тех, кто топтал ногами, иначе Трибунал не может верить вам. Вы можете назвать фамилию?

Патриарх: Нет.

Председатель: Значит, вы заявили голословно?

Патриарх: Я в собственных руках держал документы.

Обвинитель: Мне точно известно, как происходило в церкви Василия Кесарийского изъятие ценностей, и я спрашиваю: кто эту гнусную клевету распространял?

Патриарх: Я не знаю, или Василия Кесарийского, или в другой церкви.

Председатель: Вы можете назвать фамилию священника? По крайней мере тех, кто вам сообщил об этом?

Патриарх: Это было в церкви по соседству с Василием Кесарийским, или Валаамского подворья, или в которой-нибудь из них.

Председатель: Значит, назвать фамилии вы не можете?

Патриарх: Нет, я не могу, но для этого нужна справка. Но это было у Василия Кесарийского или в Валаамском подворье.

Обвинитель: Точно вы не знаете?

Патриарх: Так это было в один день.

Обвинитель: Значит, вы отказываетесь сказать, в какой церкви это было?

Патриарх: Я могу сообщить, только не сейчас.

Председатель: Ваш ответ должен быть дан сейчас же. Прежде чем утверждать, вы должны ваши слова десять раз взвесить. По долгу совести вы должны назвать фамилии.

Патриарх: Фамилии тех, кто совершил, я не могу сказать, потому что это для меня совершенно безразлично, я следствия производить не могу. Из священников же были священник от церкви Василия Кесарийского и протодиакон Валаамского подворья.

Обвинитель: Первое ваше заявление было, что вам об этом рассказывали священники церкви Василия Кесарийского. Вы не отказываетесь от этого показания?

Патриарх: Нет, не отказываюсь.

Обвинитель: Я задаю вопрос: почему в своём воззвании вместо выражения «кошунство» вы сознательно, как заявляете сами, поставили слово «святотатство»? Было у вас желание сбить с толку вашу паству и направить по другому пути?

Патриарх: У меня нет в воззвании слова «кошунство». Я не знаю, почему вы об этом говорили.

Обвинитель: Значит, надо говорить только о грабеже? Я удовлетворён. Скажите, на какие места в канонах вы ссылались, квалифицируя акты об изъятии как преступления, как святотатства?

Патриарх: Кажется, на семьдесят третье правило апостольское. Главным образом, на Двукратный Собор, а в последнем приведено...

Обвинитель: А как вы понимаете: там сказано, что если кто похитит сосуд, присвоит его и употребит небогослужебные цели... Правильно это или нет?

Патриарх: Так говорится: для личных и вообще священных.

Обвинитель: Да, если кто-нибудь возьмёт сосуд, похитит, значит, это связано с актом кражи? Вы помните это?

Патриарх: Я помню, что сказано: что если кто возьмёт и употребит на недолжные цели.

Обвинитель: Значит, для вас ясно, что ваша ссылка на каноны неосновательна?

Патриарх: Почему?

Обвинитель: Потому что никакой кражи...

Патриарх: С точки зрения канона то же присвоение.

Обвинитель: Это есть кража. Кому принадлежат ценности?

Патриарх: По канону – Богу и Церкви и распорядителю-епископу. По канону, но не по советскому закону.

Обвинитель: Вы показали здесь, ваши послания писались с ведома других. Вы являетесь выразителем всего иерархического начала – это правильно?

Патриарх: Какие?

Обвинитель: Я не знаю, какие вы пишете.

Патриарх: В ПОМГОЛ.

Обвинитель: Значит, одни были законные, другие без согласия властей?

Патриарх: Какие?

Обвинитель: Вы признаёте незаконными?

Патриарх: Нет.

Обвинитель: Почему?

Патриарх: Потому что ничего такого нет.

Обвинитель: А позвольте вас спросить: что вы называете контрреволюционным актом?

Патриарх: По толкованию вашему, действия, направленные к низвержению советской власти.

Обвинитель: А для вас такой смысл тоже приемлем?

Патриарх: Приемлем.

Обвинитель: Значит, всякое действие, направленное против советской власти?

Патриарх: Нет, к свержению советской власти.

Обвинитель: Непременно к свержению?

Патриарх: И в этом мы не повинны.

Обвинитель: А вы находите, что агитация является попыткой подготовить настроение, чтобы в будущем подготовить и свержение? Агитация может быть контрреволюционной.

Патриарх: Вы считаете её контрреволюционным действием, а я не считаю.

Обвинитель: С точки зрения евангельской, как считаете вы, какая добродетель выше – милосердие или жертвоприношение?

Патриарх: Это вы приводите вопросы, которые задавались экспертизе. И то, и другое нужно.

Обвинитель: Что выше, вам неизвестно?

Патриарх: Первая заповедь говорит: «Возлюби Господа Бога».

Обвинитель: А это означает: «Милости хочу, а не жертвы». Вот этой заповеди вам не следовало бы забывать.

Патриарх: Нет, я не забыл. Это в известном случае сказано, а к данному случаю это не касается. Если на вашей точке зрения стоять, то как объяснить, что женщина вылила миро, а Иуда сказал: «Отдать лучше нищим»?

Обвинитель: С точки зрения христианской и не изувера, что лучше – оставить стоять сосуд на том месте, где он находится, и дать тринадцати миллионам человек умереть от голода, или наоборот? Я спрашиваю вас, что с точки зрения христианской морали было бы приемлемей?

Патриарх: Да я думаю, что такого вопроса не может быть.

Председатель: Почему же не может быть?

Патриарх: Потому что в такой плоскости его не нужно ставить. Конечно, выше, чтобы сосуды не были пустые, но при каких условиях.

Обвинитель: Так вы считаете, что советская власть может спасти эти тринадцать миллионов голодающих только на те средства, какие есть?

Патриарх: Очень желал бы, но не знаю, чем располагает советская власть.

Обвинитель: А что, Цветков не говорил вам, что двенадцать миллионов обречены на верную смерть?

Патриарх: Но ведь я читал в ваших газетах, что советская власть справится.

Председатель: Вы всё время говорите: «в ваших газетах», «ваши постановления», «ваша власть». Создаётся впечатление, что вы этим подчёркиваете, «этим постановлением» и «этой властью» противопоставляете какие-то другие постановления и другую власть. Что вы имеете в виду?

Патриарх: Это не о контрреволюционном я говорю, а о ваших правительственных газетах. И я прошу занести в протокол, когда я посылал своё первое обращение за границу, я даже не понимал, что, невзирая на существующий образ правления, который, может быть, не всем

нравится за границей, вы всё-таки должны нам помогать, какая власть стоит у нас. Это известно было.

Обвинитель: А вы думаете как? Если авторитетом патриарха подчёркивается то обстоятельство, что существующая власть грабит.

Патриарх: А если патриарх заявляет, что не взирайте на то, какая власть, ей вы помогите?

Председатель: Тут большая разница. Значит, за границей – это одно, а дать самим – это другое? Вот когда нужно было, вы сочли возможным заявить за границей, а когда коснулся вопрос о немедленной близкой помощи, то вы выступили против.

Патриарх: Нет, прошу обратить внимание на то воззвание, которое прошло раньше.

Председатель: Это старое воззвание?

Патриарх: На протяжении пяти дней сделанное мной предложение было отвергнуто на том основании, что с иностранными лицами, которых кто-то предлагал, не следует входить в отношения, т. е. вести переговоры с иностранцами может вести только сама власть.

Председатель: Имеются ещё вопросы?

Обвинитель: К вам обращался кто-нибудь с просьбой подписать воззвание о помощи голодающим?

Патриарх: Нет.

Обвинитель: А протоиерей Ледовский?

Патриарх: Вообще ко мне приходило много народа. Если Ледовский был вместе с Русановым, то я знаю, что вы имеете в виду. Но того, что Ледовский миссионер или эксперт – этого я не знаю.

Обвинитель: Как это могло случиться, что вы на одной и той же неделе за одно и то же и проклинали и благословляли? Вы проклинали всех, кто будет изымать ценности, а когда священник Ледовский предоставил вам послание обратного значения, вы собственноручно подписали, что с ним согласны?

Патриарх: Но оно не прошло.

Обвинитель: Как?

Патриарх: Оно не прошло. Я обращался в ПОМГОЛ, и оно не прошло.

Председатель: Значит, то ваше послание, которое вы послали для утверждения, не прошло, а прошло то, которое вы не послали на утверждение?

Патриарх: Мы и теперь ждём ответа.

Обвинитель: К нам в комитет приходили ходоки, крестьяне из Саратовской губернии, и заявляли, что патриарх от своей точки зрения отказался, перестал упираться и благословил изъятие.

Патриарх: Я это говорю не с целью агитации.

Обвинитель: Какие обстоятельства заставили вас отступить от старой точки зрения и вместо проклятия дать благословение? Это так, и в подтверждение этого у меня имеется документ, исходящий от вас.

Председатель: О каком документе вы говорите?

Обвинитель: Священник Ледовский, Русанов и другие представили воззвание, которое в «Известиях ВЦИК» было напечатано. Это воззвание собственноручно было подписано патриархом.

Председатель: Что за воззвание?

Обвинитель: Об изъятии ценностей?

Председатель: Вы поняли, о каком воззвании идёт речь?

Патриарх: Да, но о чём оно говорило, я не знаю.

Председатель: В этом воззвании говорилось о необходимости пойти на изъятие церковных ценностей, и вы написали «согласен» и не возражаете. Вот обвинитель и спрашивает, как случилось: подписавши это воззвание, вы потом высказались против изъятия?

Патриарх: Хорошо бы огласить это воззвание.

Председатель: Обвинитель, у вас есть документ?

Обвинитель: Нет.

Председатель: Значит, вы приобщить его к делу не можете? Тогда я прошу не ссылаться на этот документ и все вопросы, связанные с ним, устраняю.

Обвинитель: Это может подтвердить священник Ледовский.

Председатель: Тогда вы можете подтвердить вопрос о вызове Ледовского для освещения этого вопроса в качестве свидетеля, если этот момент имеет, с вашей точки зрения, отношение к обвинению, предъявленному к подсудимому, но ссылаться на неизвестный или неприобщённый к делу документ вы не можете.

Обвинитель: Священники, которые были на собрании у архиепископа Никандра, заявляют по очереди, что критиковать и обсуждать воззвание они не имели права. Правда ли это?

Патриарх: Не думаю.

Обвинитель: Значит, они солгали?

Патриарх: Зачем выражаться так резко. Они могут стоять на своей точке зрения.

Обвинитель: Что вы с ними, сговориться не можете? Каким образом оказались священники, которые позволяют себе критиковать? Это как раз те, которые заявили, что боятся быть лишёнными сана. Вы говорили, что у них своя точка зрения. Что же выходит, вы верили в непогрешимость людей?

Патриарх: Я вам скажу: мы даже не верим в непогрешимость папы.

Обвинитель: А можно называть грешных людей святыми?

Патриарх: Это в другом смысле.

Обвинитель: Значит, может быть и грешный и святейший?

Патриарх: Это по моему адресу?

Председатель: Прошу обвинителя держаться ближе к существу дела.

Обвинитель: Я хочу выяснить: разве для патриарха Тихона не было святейших?

Патриарх: Святейший – это титул.

Обвинитель: Что же, никакого смысла не имеет?

Патриарх: Ну как не имеет?

Обвинитель: Что же, он для вас безразличен?

Патриарх: У католиков архиерея зовут «ваше превосходительство».

Председатель: Обвинителя, по-видимому, интересует: из того, что вы носите такой титул, не следует ли, что у священников есть мнение о вас, как о святейшем и непогрешном?

Патриарх: Нет.

Председатель: Ещё имеются вопросы?... Здесь священник Михайловский указывал на то, что не мог огласить у себя в церкви ваше послание до конца, так как боялся, что оно вызовет в храме среди верующих возбуждение, и объяснил это, что слова эти содержали в себе угрозу настолько большую для верующих, что её было рискованно прочитать. Так оценил ваше послание священник уже старый, работающий несколько десятков лет. Вы считаете оценку необоснованной?

Патриарх: Не знаю, если не хотел – ну и не прочитал. Я даже удивляюсь, что он здесь, на скамье подсудимых. Я издал и поручил, чтобы архиерей разослал, а заставлял и принуждал ли он читать – не знаю. Вот Михайловский не прочёл.

Председатель: Вы говорите, что удивляетесь, что он на скамье подсудимых?

Патриарх: Да.

Председатель: Хотя он не прочёл, но только часть. А вам известно, что подавляющее большинство священников здесь потому, что они исполняли вашу волю – читали послание и делали всё, что из него проистекает?

Патриарх: Я думал, что они здесь, на скамье подсудимых, по недоразумению.

Председатель: По вашим инструкциям и директивам они вели всю кампанию против изъятия ценностей в духе вашего послания и развивали его дальше, произносили проповеди и теперь вот обвиняются по обвинительному акту в контрреволюционных действиях.

Патриарх: От меня они никаких инструкций не получали.

Председатель: Но получали через другие, подведомственные вам органы, через управляющего епархией, через Епархиальный совет, через благочинных и т. д.

Патриарх: Ведь благочинные были у Никандра, почему же не заявили о несогласии?

Председатель: Вы откуда знаете, что было собрание у архиепископа Никандра?

Патриарх: Да из ваших же газет.

Председатель: И вы считаете, что они могли заявить о том, что они против?

Патриарх: Я не знаю, что они против, но если они боялись, то могли заявить.

Председатель: Так что это собственная вина, что не заявили?

Патриарх: Я думаю.

Обвинитель: Вам известно, что не так давно в Карловицах в Сербии был Собор?

Патриарх: Да, известно.

Обвинитель: Вы имели на нём место?

Патриарх: Я не знаю, какое это имеет отношение к этому вопросу.

Председатель: На предмет установления чего вы задаёте этот вопрос?

Обвинитель: Я не хотел бы сейчас говорить, но я хочу установить. Может быть, свидетель... .

Председатель: Но трибунал интересуется, чтобы этот вопрос не был отвлечённым.

Обвинитель: Это не отвлечённый вопрос.

Председатель свидетелю: Отвечайте.

Обвинитель: Вы приглашение получили на этот Собор?

Патриарх: Нет, не получил.

Обвинитель: Был ли случай когда-нибудь, что Епархиальный совет аннулировал постановление или распоряжение, принятое вами?

Патриарх: Не припоминаю.

Обвинитель: Или заявлял бы протест. Например, вы наложили резолюцию, а вас принудили бы её снять или уничтожить?

Патриарх: Епархиальный совет занимается в том же доме, где я живу. Иногда председатель или члены придут и скажут: «Мы посмотрим». Это то, что на вашем языке называется «дискуссия».

Председатель: Значит, перед изданием посланий у вас бывает стадия некоторой дискуссии?

Патриарх: Нет, это не то, что называется стадией дискуссии.

Председатель: Но кто дискутирует?

Патриарх: Предположим, Совет со мной.

Председатель: Значит, это у вас частная дискуссия. Вы сказали, что живёте в одном доме. У вас канцелярия какая-нибудь есть?

Патриарх: У нас живут: я, управляющий епархией, затем Совет, и есть ещё тринадцать комнат, которые числятся, что я занимаю.

Председатель: Значит, вы занимаетесь все в одном помещении?

Патриарх: В общем помещении. В этом, кажется, нет ничего преступного.

Председатель: Епархиальный совет, управляющий епархией были там же? Кажется, и Синод? Вы не помните, чтобы после такой дискуссии отменялась какая-нибудь из ваших резолюций? Не было таких случаев?

Патриарх: Я такого случая не припомню. Впрочем, вы, вероятно, разумеете...

Председатель: Что?

Патриарх: Насчёт новшества богослужений – раскрытия церковных ворот?

Председатель: На эту тему вы и дискуссировали? Кто говорил вам на эту тему? Речь шла, вероятно, о священнике, который ввёл эти новшества?

Патриарх: Да, говорили члены Епархиального совета.

Председатель: А архиепископ Никандр говорил с вами на эту тему?

Патриарх: На эту тему, я думаю, не говорил, потому что это было при покойном митрополите Евсевии.

Председатель: Кто же вам доказал, что нельзя допускать новшеств?

Патриарх: Нельзя сказать, что доказали, так как отец Борисов ссылался на такое основание и делал вывод, который был неправилен, поэтому я и взял назад резолюцию, которую раньше дал по поводу вводимых им новшеств.

Председатель: Значит, такой случай был, и из того факта, что вы живёте вместе, можно сделать предположение, что он был не единственный?

Патриарх: Это не преступление, а их долг. Они ближе стоят к народу и к Никандру и могли заявить мне, что это неудобно – такое воззвание.

Председатель: К вам никто из обвиняемых не обращался по этому поводу? Вот о Борисове?

Патриарх: Не помню, кажется, Добролюбов обращался.

Председатель: А через кого вы дали ваше первое распоряжение служить при открытых дверях и через кого оно было отменено?

Патриарх: Мною самим было взято обратно.

Председатель: Вот по вопросу о послании такой предварительный обмен мнений, который вы называете дискуссией, не происходил?

Патриарх: Не происходил, и я сожалею, что батюшки высказались только здесь.

Председатель: Значит, у вас на квартире происходило управление всей иерархией в целом и московской в частности?

Патриарх: Кажется, я для того и поставлен Собором, чтобы управлять.

Председатель: В чём выражается это управление? Чем, собственно говоря, и кем вы управляете?

Патриарх: Русской Церковью. Для этого нужно взять ваше постановление.

Председатель: Перед Трибуналом прошли некоторые свидетели, которые указывали, что управление распадается на самостоятельные части. Вот вы здесь стоите – глава всей епархии. Трибунал спрашивает вас: как идёт ваше управление?

Патриарх: Для того чтобы дать точные показания, я просил бы разрешения взять Положение соборное о правах и преимуществах патриарха.

Председатель: Оно когда было издано?

Патриарх: Тотчас же после Собора, в семнадцатом году.

Председатель: До декрета об отделении Церкви от государства? Значит, с существующим положением Церкви в государстве в связи с декретом об её отделении оно не согласовано?

Патриарх: Да.

Председатель: Как же можно на него ссылаться?

Патриарх: Но не было нужд его согласовать.

Председатель: Значит, вы живёте по законам своим, которые не связаны с советским законодательством?

Патриарх: Да, но мы признаём и советские законы.

Председатель: Из ваших показаний у Трибунала сложился вывод, что вы считаете, что церковным имуществом нельзя распоряжаться без специального распоряжения, данного в порядке иерархического управления?

Патриарх: С точки зрения церковного канона, а не советского правительства.

Председатель: Что же, в конце концов, для вас более важна точка зрения советского правительства или иная?

Патриарх: Для меня как для церковника... Но я подчинён советской власти.

Председатель: Если вам канон предписывает церковным имуществом управлять, а декрет говорит, что имущество принадлежит народу и им может распоряжаться только советская власть, вы считаете в данном случае необходимым подчиниться канонам и незаконно управлять церковным имуществом или соответствующему законодательству, на этот предмет существующему в государстве?

Патриарх: Управлять церковным имуществом я не могу по той причине, что оно от меня отнято. Как вы изволите знать, папа считал себя государем без государства, когда итальянское правительство отняло у него имущество.

Председатель: Вы считаете, что и вы государь, от которого отнято церковное имущество?

Патриарх: Конечно.

Председатель: Это формально, а по существу дела вы считаете, что церковное имущество принадлежит духовенству?

Патриарх: Нет, Богу, а по канону – Церкви.

Председатель: Понятно, что если вы так оцениваете имущественное право, то духовные лица считают себя обязанными владеть им и управлять.

Патриарх: Нет, мы привлекаем и другой элемент.

Председатель: Самый факт, что вы в послании устанавливаете, что некоторые сосуды нельзя брать, доказывает, что церковным имуществом этой категории может распоряжаться только иерархическая власть.

Патриарх: Поэтому я и просил приходские советы, что, когда будут отбирать, чтобы они просили о замене сосудов равноценным капиталом, на что было обещание.

Председатель: Вы просили епархиальные советы? Значит, проект о том, чтобы состоялись заявления об отмене, тоже исходил от вас?

Патриарх: Вы сказали – епархиальные, а я говорил – приходские, и в этом нет ничего такого. С просьбой можно обращаться?

Председатель: Можно. Итак, это от вас исходило?

Патриарх: Нет, это не точно – и от других.

Председатель: Но предложение это внесли вы?

Патриарх: Вносить не вносил, но когда приходили – говорил.

Председатель: Какую форму управления паствой вы применяете? Ну вот мы знаем послание. Какими ещё путями вы управляете паствой в смысле передачи людям ваших мыслей, воли, указаний, распоряжений и т. д.? Как осуществляется ваша работа?

Патриарх: Мы с паствой непосредственно не прикасаемся, а приходится прикасаться с архиереями, которые от себя с духовенством.

Председатель: Значит, вы общаетесь с паствой по иерархической лестнице?

Патриарх: Да – патриарх, Синод, епархиальный архиерей, викарий, затем благочинные и т. д.

Председатель: Вы знаете, что церкви переданы в распоряжение группы верующих, и никаких объединяющих организаций, в том числе и иерарха, как юридического лица, декрет не предусматривает?

Патриарх: Знаю.

Председатель: Значит, вы тоже сознательно не хотели подчиняться?

Патриарх: Это дело внутреннее, можно завести патриарха, а можно завести и митрополита.

Председатель: Подводя итоги, можно, значит, сделать вывод, что управление всей иерархией ведёте вы и что управление церковным имуществом вы считаете своей обязанностью, поскольку это вытекает из канона?

Патриарх: Но фактически, по существу, как видите, не могу.

Председатель: Но попытки делаете. Здесь важно то, что знаете, что не можете, а всё-таки делаете попытки.

Патриарх: Ведь советская власть не непогрешима. Папа не непогрешим, почему же, если вы выступали в стадию переговоров, почему же нам нельзя переговорить с советской властью?

Председатель: Но вы знали, что все эти по иерархической лестнице организации юридической силы не имеют и в этом смысле государством признаны быть не могут?

Патриарх: Да, но Церковью признаны.

Обвинитель: Один из обвиняемых показал, что вместе с вашими посланиями ему была послана через Епархиальное управление форма протеста против декрета. Вам известно о существовании таких протестов?

Патриарх: Я в них участия не принимал. Затем я не думаю, чтобы это были протесты. А вот обращения, когда ко мне приходили, я советовал выдавать. Мы хотим заём устроить.

Обвинитель: Я хотел бы получить ответ на вопрос, который задал. Священник Рязанов говорил здесь, что получил здесь с девятнадцатью воззваниями девятнадцать образцов протеста, которые рассылались по благочиниям. Что вам известно об этих протестах, кто их фабриковал?

Патриарх: Этого я не знаю, кто фабриковал.

Обвинитель: Не отвечает ли за это Епархиальное управление, за эти контрреволюционные протесты?

Патриарх: Я не знаю этого.

Обвинитель: Значит, это дело Кедрова?

Патриарх: Почему? Я этого не знаю. Я только знаю, что непосредственно управлять Московской епархией поставлен епископ Крутицкий, у него есть свой орган.

Обвинитель: Неоднократно был поставлен вопрос о том, кто это написал. Священник Кедров наотрез отказался от авторства этих протестов, Никандр был несколько раз уличён во лжи, вы тоже отказываетесь.

Патриарх: Я только одно могу сказать – ищите.

Обвинитель: Я думаю, ясно, кто это сделал.

Патриарх: Не могу сказать.

Обвинитель: Разве не ясно, что архиепископ Никандр?

Патриарх: Нет, не могу сказать.

Председатель: У обвинителей больше вопросов нет?.. Защита имеет вопросы к свидетелю?

Защита: Да, есть.

Председатель: Пожалуйста, ставьте вопросы.

Защита: Когда командировали в ПОМГОЛ представителя Цветкова, вы это делали лично или нет?

Патриарх: Я сначала через Епархиальный совет, а потом от меня. У меня была бумага.

Защита: Вы командировали через Епархиальный совет?

Патриарх: Да, в первый раз.

Защита. Первое воззвание. А когда вы второе направили в ПОМГОЛ, то это сделали в частном порядке?

Патриарх: Официально, с Цветковым.

Защита. Разрешите узнать: что, Епархиальный совет и Синод действуют официально открыто или неофициально?

Патриарх: Официально. Мы не закрыты ни для власти советской, ни для Церкви.

Защита: Эти учреждения находятся в том же помещении, где и вы живёте? Они зарегистрированы домкомом?

Патриарх: Вероятно, они известны начальству, потому что они давно находятся под призором.

Защита: Вы не получали официального предложения об их закрытии?

Патриарх: Нет, такого не было. Если бы было, то мы закрыли бы.

Председатель: Ещё имеются вопросы к свидетелю?.. (Пауза.) Свидетель, сейчас заканчивается снятие с вас показаний. Последний вопрос я хочу направить исключительно в область вашего сознания. Считаете ли вы, что ваше воззвание содержало в себе места, которые должны были волновать верующих и вызвать их на столкновение с представителями советской власти? Не считаете ли вы, что та кровь, которая пролилась в Шуе и в других местах и которая ещё может пролиться, будет лежать и на вас?

Патриарх: Нет.

Председатель: Никто не имеет из подсудимых вопросов к свидетелю? Нет вопросов. Вы свободны.

Обвинитель: В связи с допросом свидетелей Феноменова и Белавина обвинение имеет сделать заявление... Делает заявление о привлечении к судебной ответственности архиепископа Никандра (Феноменова) и патриарха Тихона (Белавина) в связи с данными ими в судебном заседании показаниями и другими данными, обнаружившимися во время судебного заседания.

7

В полночь 3 мая 1922 года на секретном совещании Президиума ГПУ с участием первого заместителя председателя ГПУ И.С. Уншлихта были рассмотрены вопросы, связанные с ведением московского процесса, а также о вызове патриарха Тихона в Московский Ревтрибунал в качестве свидетеля и об его аресте. И хотя вопрос об аресте патриарха так сформулирован и не был, всё же он прозвучал следующим образом: «2. О вызове Тихона в ГПУ для предъявления ему ультимативных требований по вопросу об отречении от должности, лишения сана и предания анафеме представителей заграничного монархического антисоветского и Интернационального активного духовенства».

К слову, ещё 12 апреля «Известия» по каким-то причинам опубликовали заявление об его аресте. То есть вопрос об аресте патриарха и привлечении его к суду стоял давно.

3 мая руководители ГПУ всё ещё колебались и признали вызов Тихона в Московский Ревтрибунал нецелесообразным. Вместо этого они предполагали тайно вызвать его на Лубянку и потребовать в течение 24 часов публикации об отречении от должности, лишении его сана, а также отрешения от должности представителей Зарубежной Русской православной церкви. Патриарха должны были склонить к изданию специального послания зарубежному православному духовенству о немедленной выдачи представителям советской власти всех ценностей, находящихся в заграничных церквях. И лишь в случае отказа Тихона выполнить эти требования руководство ГПУ предполагало немедленно арестовать последнего с предъявлением абсолютно всех обвинений в преступлениях, совершённых им против советской власти по совокупности.

4 мая на заседании ЦК РКП(б), на котором присутствовал В.И. Ленин, было принято постановление о строжайших директивах Московскому трибуналу: «1) немедленно привлечь Тихона к суду и 2) применить к попам высшую меру наказания».

А 5 мая, вопреки рекомендациям ГПУ, патриарх Тихон всё же был вызван в зал заседаний Трибунала в Политехнический музей для дачи свидетельских показаний по делу московского духовенства и мирян о сопротивлении изъятию церковных ценностей.

В тот же день после многочасового допроса в Московском ревтрибунале патриарх Тихон был вызван по повестке к начальнику Секретного отдела ГПУ Т.П. Самсонову-Бабаю. В 19 часов в кабинете дома на Большой Лубянке кроме Самсонова его с нетерпением ожидали заместитель председателя ГПУ В.Р. Менжинский, начальник 6-го отделения Е.А. Тучков и работник Наркомата юстиции П.А. Красиков.

– Вам придётся объявить свою позицию до конца, указав на Карловицкий собор и контрреволюционную деятельность духовенства за границей, – чётко говорит Красиков. – Вы должны ясно и определённо реагировать, а также вы должны сказать ясно и определённо о национализации церковного имущества.

– Гражданин Белавин, – встречается в разговор Самсонов, – говорите яснее и определённое по существу вопроса относительно того, как вы намерены поступить с контрреволюционным духовенством за границей и какая мера наказания им будет определена.

– Евлогия и Антония вы можете пригласить к себе в Москву, – добавляет Менжинский, – где потребуете личного объяснения.

– Разве они приедут сюда? – удивлённо спрашивает Белавин.

... – Вы должны дать воззвание о том, что власть распорядилась национальным имуществом вполне справедливо, – твердит Красиков.

– Я просил дать мне конкретные требования, – уточняет патриарх.

– Необходимо остановить кровопролитие.

– Разве мы проливаем кровь?

– Необходимо отдать всё, за исключением самого необходимого.

– Всё? Никогда! Вот вы говорите о канонах и об ужасах голода, но почему вы тогда запрещали создание Церковных комитетов ПОМГОЛа?

Красиков даёт патриарху заграничную газету и говорит о выступлении Антония Храповицкого: – В дальнейшем это нетерпимо!

– Дайте протоколы этих собраний, – просит патриарх Тихон.

– Вы должны категорически отмежеваться от реакционного духовенства. Ваш отзыв о том, что вы осуждаете, – платонический. Он должен быть обоснован юридически.

И Красиков читает обращение Антония Храповицкого к Деникину.

– Будете ли вы осуждать священников, которые выступают против правительства? – задаёт новый вопрос Самсонов.

– Принципиально мы никогда не сойдёмся.

– Будете ли вы реагировать на то, что ваши подчинённые идут против власти?

– Я их осуждаю, о чём уже писал.

– Это надо сделать публично, – подсказывает Самсонов.

Красиков читает послание Антония Храповицкого из «Нового времени».

– Для суда нужно двенадцать епископов, – отвечает патриарх.

– Мы требуем категорического публичного осуждения по каноническим правилам духовенства, ведущего контрреволюционную и антисоветскую работу, и принятие административных мер по отношению их, – говорит Самсонов.

– Категорического разъяснения гражданам о положении закона, декрета ВЦИКа, необходимости его исполнения и подчинения, – добавляет Красиков.

– Протестую, – отвечает патриарх, – мы сговаривались с уполномоченным правительства, а последнее за спиной у нас постановило изъять всё.

– Антисоветская агитация, – упрямо твердит Красиков. – Принять меры к осуждению и прекращению этой агитации.

– Я не вижу никакого повода к этому, я уже осуждал и повторять отказываюсь, – категоричен патриарх.

– Ваше мероприятие по отношению к тем священникам, которые выступали против изъятия ценностей? – неожиданно спрашивает Самсонов.

– Мне неизвестны их фамилии. Я не имею сведений, требую конкретных случаев...

На следующий день в 18 часов в Троицкое подворье прибыл отряд красноармейцев. Святейшему Тихону было официально объявлено, что с этой минуты он находится под домашним арестом.

Как утверждает кандидат исторических наук Н.А. Кривова, в отношении допроса патриарха Тихона, «сведения об этом черпались из «Следственной сводки № 1 6-го отделения СО ГПУ» от 9—10 мая 1922 г., составленной Е.А. Тучковым и разосланной И.В. Сталину, Л.Д. Троцкому, Ф.Э. Дзержинскому, В.Р. Менжинскому и И.С. Уншлихту. И.В. Сталин ознакомил со сводкой В.И. Ленина. Сейчас есть возможность сравнить сводку с протоколом допроса патриарха Тихона от 5 мая 1922 г., обнаруженным в следственном деле патриарха. Это подтверждает мнение Н.Н. Покровского, что допрос 9 мая 1922 г. не был первым допросом патриарха Тихона в ГПУ, как принято было считать ранее, и что патриарх был допрошен в ГПУ ещё 5 мая 1922 г.

Хранящиеся в следственном деле повестки, которыми вызывался патриарх в ГПУ для дачи показаний по делам духовенства, а также протокол допроса от 28 марта 1922 г. свидетельствуют о том, что патриарх Тихон допрашивался и ранее 5 мая 1922 г., а именно 28, 31 марта и 8 апреля 1922 г. Однако протоколы допросов от 31 марта и 8 апреля 1922 г. пока не обнаружены. Но в следственном деле имеется несколько документов, не считая протокола допроса от 28 марта 1922 г., зафиксировавших ранние (до 9 мая) допросы патриарха.

Во-первых, сохранились два рукописных листа, написанных карандашом беглым почерком со множеством сокращений, представляющих собой отрывок черновой записи допроса или так называемой «беседы». Такие предварительные «беседы» велись с последственным допросом, во время чего следователь, употребляя разные меры воздействия, добывал необходимые для следствия сведения и подводил последственного к желаемому ответу, который и фиксировал потом на допросе. Обнаруженный документ – единственный в следственном деле патриарха Тихона из числа подобных. Ценность источника состоит в том, что он несёт более точную информацию о характере «бесед» в ГПУ, нежели отредактированные чекистами протоколы, помогает представить реальные условия допроса.

Запись «беседы» принадлежит перу Т.П. Самсонова. Сохранилась только часть записи, дата отсутствует, поэтому можно лишь предположительно говорить о том, что речь идёт о «беседе», проведённой 5 мая 1922 г. или ранее. Судя по документу, «беседа» велась П.А. Красиковым и Т.П. Самсоновым. Запись зафиксировала драматичную картину и все нюансы разговора.

Во-вторых, в деле хранится рукописный лист оформленного «Протокола допроса гр. Белавина так называемого патриарха Тихона», написанный на обычном листе бумаги, а не на бланке допроса ГПУ, а также машинописная заверенная копия. В заключении протокола имеется важная запись «Допросил Самсонов. 5/5—22 г.» Почерк, которым сделана запись, схож с почерком, которым написан отрывок записи «беседы». Следовательно, точно датированный 5 мая 1922 г. допрос производился не Е.А. Тучковым, а начальником СО ГПУ Т.П. Самсоновым. Ответы в данном документе написаны рукой патриарха Тихона и имеется его автограф. Данный протокол отражает общую схему вопросов и ответов и текстологически идентичен следственной сводке, составленной Е.А. Тучковым на его основе.

В-третьих, имеется две незаверенные машинописные копии протокола допроса патриарха Тихона – одна, датированная 5 мая 1922 г., во второй дата не проставлена. На обеих копиях справочные пометы, проставленные регистратором VII отделения НКВД в 1935 г., о том, что подлинного протокола допроса при разработке не оказалось. В первой копии зафиксированы фамилии проводивших допрос Т.П. Самсонова и В.Р. Менжинского, во второй имеется запись «Допросил... Е. Тучков». Каждая из копий фиксирует только один из заданных 5 мая 1922 г. вопросов и ответов патриарха.

Таким образом, существует несколько записей допроса патриарха Тихона, а также следственная сводка Е.А. Тучкова. Анализ перечисленных документов показывает, что допрос, отрывочные данные о котором сохранились в черновой записи «беседы», велся начальником СО ГПУ Т.П. Самсоновым, но при участии других руководящих сотрудников ГПУ – В.Р. Менжинского, Е.А. Тучкова, а также П.А. Красикова. Лишь предположительно можно сказать, что «беседа» состоялась 5 мая 1922 г. Записи допроса велись параллельно. Рукописные листы, очевидно, являются записями самого Т.П. Самсонова. Рукописный протокол мог считаться официально оформленным протоколом с автографом допрашиваемого и лица, который вёл допрос, то есть Т.П. Самсонова. На основании этого протокола Е.А. Тучковым была составлена следственная сводка. Машинописные копии могли быть подготовлены Е.А. Тучковым, причём каждая копия фиксировала один из задаваемых вопросов».

С допроса с Лубянки патриарх Тихон вернулся поздно ночью.

- Как там? – спросил долго ожидавший его келейник.
- Уж очень строго допрашивали.
- А что же вам будет?
- Голову обещали срубить...

8

Но прежде было заключение под домашний арест 6 мая 1922 года.

На следующий день был оглашён приговор Московского Ревтрибунала: к расстрелу приговаривались 11 человек. Все они обвинялись в личном участии в пропаганде и агитации среди верующих в храмах и на приходских собраниях, в призывах к массовому и открытому противодействию распоряжениям ВЦИК, в невыполнении этих распоряжений путём подачи заявлений и протестов, составленных при участии и под руководством священников, последствием чего явились эксцессы во время фактического изъятия ценностей.

К слову сказать, трое из одиннадцати приговорённых были обычными мирянами: М.Н. Роханов, С.Ф. Тихомиров и В.И. Брусилова – 22-летняя кормящая мать, племянница знаменитого генерала.

Им инкриминировалось «участие в публичных скопищах, которые действуя соединёнными силами участников, вследствие побуждений, проистекающих из вражды к постановлению ВЦИК, возбуждали население к сопротивлению лицам, производившим изъятие».

После ознакомления с приговором по «Московскому процессу» 9 мая 1922 г. патриарх Тихон направил прошение М.И. Калинину о помиловании осуждённых. И это при том, что судьба осуждённых решалась Политбюро ЦК РКП(б).

Например, после вынесения приговора Л.Б. Каменев предложил Политбюро ограничиться расстрелом двух священников. Однако по результатам голосования членов Политбюро против отмены приговора выступили В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев и И.В. Сталин. За предложение Л.Б. Каменева проголосовали М.П. Томский и А.И. Рыков.

11 мая решение Трибунала было утверждено, а на следующий день приведение приговора вдруг было приостановлено всё тем же партийным органом.

«Причина приостановки принятого решения по приговору московским священникам и мирянам кроется в сложном переплетении различных способов и методов, с помощью которых партия пыталась реализовать свою генеральную линию на усмирение церкви, – пишет Н.А. Кривова. – Двойные, тройные, а иногда и более многосложные ходы меняли первоначальные замыслы. Так было и на этот раз, когда в ход была пущена очередная интрига Л.Д. Троцкого. В эти дни под его руководством продолжал «раздуваться пожар раскола». Родилась идея инсценировать стремление обновленцев спасти жертвы московского процесса, а в обмен на жизнь нескольких приговорённых священников получить от обновленцев осуждение сторонников Тихона и восхваление советской власти. В то же время желанием якобы обновленцев уберечь московское духовенство от расстрелов можно было попытаться завоевать им хотя бы минимальный авторитет и укрепить их позиции. «Набирать очки» обновленцам необходимо было ещё и в связи с подготовкой к учредительному собранию, которым предполагалось завершить создание одного из обновленческих течений. Такое собрание состоялось 29 мая 1922 г., официально оформив организацию «Живая церковь».

«Следственная сводка № 1 VI-го отделения СО ГПУ по делу Патриарха Тихона.
(9—10 мая 1922 г.)

Совершенно секретно.

Сводка печатается два раза в неделю. – Отпечатано в 6-ти экземплярах и рассылается тов. СТАЛИНУ, ТРОЦКОМУ, ДЗЕРЖИНСКОМУ, МЕНЖИНСКОМУ, УНШЛИХТУ и один в деле.

В показаниях от 5/5—22 года ТИХОН на заданный ему вопрос осуждает ли он беглое заграничное духовенство, заседавшее на Карловицком соборе – ответил, что деятельность их он осуждает, упразднил заграничное церковное высшее управление и намерен созвать сове-

щение из 12-ти иерархов на предмет вынесения того или иного осуждения участникам Карловицкого собора.

В том же показании на вопрос о том даст ли он директиву заграничным попам, чтобы последние выдали согласно декрета ВЦИК всё церковное имущество представителям Соввласти в пользу голодающих – ответил «в имущественных вопросах Патриархом изданы распоряжения совместно с Высшим Церковным Управлением, при нём состоящем, и я указанному Управлению сделаю предложение для приведения в исполнение».

В том же показании на вопрос о том осуждает ли он агитацию попов против изъятия церковных ценностей – ответил: «Осуждаю в смысле открытой агитации, причём открытой агитацией я считаю, если священнослужители по собственной воле и желанию распространяют свои мысли направленные против изъятия церковных ценностей в любом месте, не осуждаю агитацию такую, которая выражена священнослужителем на задаваемые ему вопросы верующими с просьбой разъяснить им церковное правило или учение по сему поводу».

В показании от 9/5—22 г. ТИХОН не признал врагом рабочих и крестьян России митрополита Киевского АНТОНИЯ ХРАПОВИЦКОГО, бывшего Управляющего Высшим Церковным Управлением при Деникине, яркого контрреволюционера и черносотенца, вдохновлявшего добрармию в борьбе против Соввласти. Врагом трудового народа ТИХОН считает Антония только со времени выступления последнего в печати в 1922-м году призывавшего черносотенные силы на борьбу против Соввласти и воцарения в России на престол дома Романовых. В том же протоколе ТИХОН показал, что почтовые сношения с беглым контр-революционным духовенством находящимся за границей он производил через Эстонскую, Латвийскую, Польскую, Финляндскую и Чехословацкую миссии начиная с 1920 года.

ТИХОН не признаёт контр-революционной деятельность Высшего Церковного Управления при Деникине и др. контр-революционных белых правительствах говоря, что «мне это неизвестно, т. к. фактов указывающих на это у меня нет».

Келейник ТИХОНа архимандрит НЕОФИТ (Осипов Н.А.) показал, что ТИХОН не приглашал близко стоящих к нему священников к себе на квартиру, где в беседах говорил относительно посылки Евлогия (Берлин) в Америку для упорядочения церковных дел.

НАЧАЛЬНИК 6-го ОТДЕЛЕНИЯ СОГПУ: Е.А.Тучков».

Глава третья. Разрушение религии

1

«Письмо заведующего секретным отделом ВЧК Т.П. Самсонова Ф.Э. Держинскому

4 декабря 1920 г.

Сов. секретно

В дополнение к письму тов. Лациса о нашем отношении к духовенству, могу сказать следующее:

1) Тов. Лацис глубоко прав, когда говорит, что Коммунизм и Религия взаимно исключаются, а также глубоко прав и в том, что религию разрушить не сможет никакой другой аппарат, кроме аппарата ВЧК.

2) Линия, принятая ВЧК по разрушению религии, с практической стороны в принципе верна, за исключением вопроса о возможности разложения религии из центра, через лиц, занимающих высшие посты церковной иерархии. Прделанный ВЧК опыт в этом отношении потерпел фиаско. Так, «Исполкомдух» принял ложное направление и стал приспособлять православную церковь к новым условиям и времени, за что был нами разгромлен, а отцы духовные вроде Архиепископа Владимира (Пензенского) Путяты, оказались несостоятельными по той простой причине, что у него, как у заклятого врага сов. власти, не оказалось достаточной смелости духа и воли для того, чтобы развернуть свою работу во всю ширь и глубину и нанести церкви разрушительный удар; вместо этого Путята склочничает и нашёптывает в ВЧК на Тихона, в то же время сам практически ничего не делает для разрушения церкви. Даже такой решительный и смелый вояка в рясе, как Иллидор Труфанов, даже он в паутине церкви не нашёл присутствия духа для того, чтобы открыто ударить церковной иерархии прямо в лоб.

3) Исходя из этих соображений, а также приняв во внимание то, что низшее молодое белое духовенство, правда в незначительной своей части, безусловно, прогрессивно, реформаторски и даже революционно настроено по отношению к перестройке церкви, СОВЧК за последнее время в своих планах по разложению церкви сосредотачивает всё своё внимание именно на поповскую массу, и что только через неё мы сможем, путём долгой, напряжённой и кропотливой работы, разрушить и разложить церковь до конца.

Некоторые успехи в этом отношении уже отмечаются, правда пока что не в большом масштабе. Этот путь верен тем более потому, что церковные старые волки, каков Тихон, Владимир Путята и др., они не могут действовать для нас лишь постолько, поскольку нужно им для того, чтобы спасти свою шкуру, душа же их видит и делает другое, тогда как низшее поповство, освободившись от волчьих когтей больших церковных волков, иногда совершенно искренно работает на нас и с нами, и, кроме того, непосредственно работая в верующей массе, низшие попы, проводя нашу линию, разложение будут вносить в самую гущу верующих, а это – всё.

4) До сих пор ВЧК занимались только разложением православной церкви, как наиболее могущественной и большой, чего не достаточно, так как на территории Республики имеется ещё ряд не менее сильных Религий, каков Ислам и пр., где нам также придётся шаг за шагом внести то же разложение, что и православной церкви.

5) Работа по рассеянию религиозного мрака чрезвычайно трудная и большая, поэтому рассчитывать на скорый успех нельзя. Для этой работы нужны крепкие и умелые люди, чего, к сожалению, мы не имеем, так как Цека нам их не даёт.

Заведующий секретным отделом ВЧК

Самсонов».

2

На «Чёрной площади» Евгений Александрович Тучков проработал до самого увольнения.

Про место его работы говорили самое разное: «На хорошем месте такую контору не разместили бы», «Какое здание выше всех в Москве? Правильный ответ: Лубянская площадь, 2. С его крыши видно Колыму», «Там, где когда-то находился Госстрах, теперь поселился Госужас» и т. д.

Самих же обитателей «Госужаса» великий пролетарский писатель Максим Горький называл с любовью не иначе как «Черти драповые».

«Чёрной» же Лубянку окрестили за стены её дома, облицованные чёрным лабрадором...

Вообще же топоним «Лубянка» появился в лексиконе москвичей, когда в конце XV – начале XVI века Иван III переселил из Великого Новгорода в Москву на территорию лубянского квартала строптивых северян. Таким образом, он хотел уничтожить независимый дух новгородцев. Насильно переселённые в центр Москвы, они принесли с родины и название улицы «Лубяницы» или «Лубянки».

Весной 1611 и осенью 1612 года в Смутные времена, собранные гражданином Мининым и князем Пожарским ополченцы именно на Лубянке дали два победоносных сражения польским интервентам.

А через пятьдесят лет Лубянская площадь стала эпицентром Медного бунта. Это когда во время войны с Польшей, нуждаясь в средствах, Алексей Михайлович добавлял в деньги всё больше меди. Инфляция расплодила множество фальшивомонетчиков. Именно на Лубянке собравшаяся недовольная обесцениванием денег толпа москвичей пошла на Коломенское, где находился царь. Стрельцы жестоко подавили восстание. Сотни людей, в страхе убегая из Коломенского, потонули в Москве-реке. Тридцать же зачинщиков бунта были казнены на самой Лубянской площади.

Только в XVIII веке Лубянка превращается в один из аристократических районов Москвы. Именитые фамилии Голицыных, Волконских, Долгоруких, Хованских и т. д. поселились тут на века. Хотя тут же разместился двор и знаменитой своей жестокостью к крепостным Салтычихи, дворянки Салтыковой.

В конце этого века на Лубянке начинают подселяться иностранные граждане. Например, одним из них был французский мастер по изготовлению париков Фуркасье. Именно французы спасли Лубянку от московского пожара и разграбления 1812 года. Наполеоновские солдаты не рискнули грабить и поджигать особняки соотечественников из французской колонии.

В начале всё того же XVIII века на месте известного здания чекистов располагались каменный дом и большой двор менгрельских князей Дадиани. После войны 1812 года данный участок земли вместе с постройками приобретает Ф.С. Мосолов, а с 1857 года он становится собственностью тамбовского помещика и отставного поручика С.Н. Мосолова.

На Лубянке владелец дома не жил и потому сдавал дом внаём.

В 1880 году дом переходит в собственность его сына – титулярного советника, известного гравёра и художника. Занимая под свою квартиру лишь второй этаж, первый он сдавал правлению Варшавского страхового общества, «Фотографии Мебуса», а третий – под меблированные комнаты писателям, актёрам, врачам и другим богатым людям Москвы.

Превратившись к концу XIX века в улицу страховых компаний, где компактно разместились целых 15 офисов, Большая Лубянка попадает под взор одного из крупнейших страховых обществ того времени «Россия».

В апреле 1894 года согласно заключённой купчей Мосолов уступил этому Обществу, правление которого находилось в Санкт-Петербурге, за 475 тысяч рублей серебром своё владение общей площадью 1110 квадратных саженей со всеми постройками.

Строительство доходного дома закончилось в 1900 году. Выстроенное в стиле так называемого североевропейского Возрождения, оно сразу же стало визитной карточкой Лубянской площади, оставшись таковым до наших дней.

К слову, «Россия», подсуетившись, успела прикупить ещё один участок земли – угловое владение 2, расположенное по другую сторону Малой Лубянки, выходящей на Лубянскую площадь. Вместе с архитектором Н.М. Проскурниным (дом № 1), архитектор А.В. Иванов (дом № 2) и разработал проект знаменитого ныне Лубянского дома. Его первый этаж был полностью отдан под торговлю, на третьем и пятом располагались два десятка самых дорогих в Москве квартир, по 4–9 комнат каждая. Общество же «Россия» со всего дома имело годовой доход в 160 тысяч рублей. Огромные по тем временам деньги.

В новое время советской власти, в 1919 году, часть этого дома заняли чекисты Особого отдела Московской ЧК, а буквально через несколько месяцев туда переехал и весь Центральный аппарат ВЧК вместе с Ф.Э. Дзержинским.

Валерии Дмитриевны Пришвиной (1899–1979) пришлось однажды побывать в кабинете Тучкова того самого здания...

В своём автобиографическом романе «Невидимый град» она в мельчайших подробностях напишет: «Наконец через две недели ожидания меня вызывают днём и ведут длинными коридорами и лестницами, почти комфортабельными, с ковровыми дорожками. Только пролёты клеток для чего-то густо зарешечены. Догадываюсь: люди кончали собой, бросаясь в пролёты.

По внутренним переходам наконец меня приводят в учреждение, где всё обычно: по коридору ходят свободно люди. Много воздуха и света. Меня вводят в один из кабинетов. Часовой остаётся за дверью.

За столом молодой человек, развинченный, бледный, с изящно-небрежными манерами – ему бы танцевать в ночном баре, потягивать вино из тонкого бокала... Обострёнными нервами ощущаю, что я для него «не фигура», мне не придают особого значения. Молодой человек меня недолго допрашивает и предъявляет обвинение: я арестована за участие в организации «ИПЦ». Я ничего не понимаю. Молодой человек мне не верит. Наконец, снисходительно объясняет:

– Истинно-православная церковь.

Только-то! У меня скатывается камень с сердца. Ведь могли придумать что-нибудь посерьёзнее: я наслушалась уже от Зои, поняла по скупым высказываниям Юлии Михайловны. Следователь явно недоумевает, пытается внушить мне всю тяжесть преступлений этой «организации». Я действительно чувствую облегчение и не могу его скрыть, мне легко говорить:

– Никакой организации нет, это чистые и очень наивные люди, не скрывающие своей жизни. Ни с кем из священников я не связана.

– А священник, служивший у вас на дому литургию? – спрашивает молодой человек. И тут я понимаю, что это был филер.

– Его-то я знаю меньше всех.

– Назовите нам остальных!

Но я действительно не знаю никаких имён. Следователь пытается меня запугивать моей матерью, что она тоже арестована, во всём созналась, она теперь при смерти.

Невидимые помощники – мои обострённые тайные способности или чувства – подсказывают мне, что всё это ложь.

Меня отводят обратно в камеру «подумать». Екатерине Павловне предъявляют то же обвинение, что и мне. Мы подведены под один трафарет, и судьба наша, по-видимому, уже предрешена. Нам остаётся ждать. Через две недели меня вновь вызывают. На этот раз я в каби-

нете какого-то высокого начальника. Комната огромна. Начальник вышел и оставил меня одну. Я замечаю, что на окнах нет решёток. Наконец он возвращается. Я сижу на кончике стула. Начальник ходит передо мной и с любопытством разглядывает.

Потом роняет отеческим тоном:

– Нет, такую ни за что в монастырь не возьмут!

Я вопросительно на него взглядываю.

– Любуюсь вами, – добавляет он примирительно и даже ласково.

Я настораживаюсь. К чему это поведёт?

– Не буду от вас скрывать – за вас хлопочут ваши друзья и мои товарищи-коммунисты.

Они ручаются за вас и готовы взять на поруки. Я опытный чекист и вижу, что они имеют основания. Вы белая ворона, случайно залетевшая в чёрную стаю. Мы вас переделаем. Но я сам связан законом, и, чтоб освободить вас, я должен подвести тоже достаточные основания для «Тройки», всё решающей. Основанием может быть ваше письменное согласие работать у нас.

– Быть филером?

– Как резко! – морщится он. – К тому же это называется иначе и не считается позорным. Но я вас не заставлю делать эту работу: вы слишком наивны и прямы. Я даю вам слово коммуниста, что это только формальный предлог для вашего освобождения. Решено? – Он протягивает мне руку. (Заклѳчѳнным руки не подаѳт!)

В это время телефонный звонок прерывает наш разговор. Начальник, сияя доброй улыбкой, разговаривает по телефону с ребёнком:

– Значит, завтра едем? Только помни, чтоб уроки были сделаны с вечера.

Кладѳт трубку. Почти застенчиво:

– Это я с дочкой... Видите, какая погода – май! Собираемся на дачу за город. (Подразумеваемая между слов: «И ты могла бы так же...») Итак, решено? Вас тоже дожидается матушка. (Значит, мама свободна!). Посидите здесь в коридоре. Вас вызовет мой помощник и всё оформит. А моя фамилия – Тучков.

«Тучков!» – вспоминаю я. Это главный следователь по церковным делам, самое страшное понаслышке имя. К нему-то пробивались и не могли пробиться наши старушки по делу М.А. Новосѳлова.

– А как насчѳт бога? – подмигивает мне на прощание весело Тучков. – Ну ничего, ничего, это пройдѳт у вас постепенно. Вы жертва переходной эпохи, и вас винить не приходится. Это не вина, а беда! Видите, какой я философ: вы можете мне доверять.

Он трясѳт мне руку, и я одна, без конвоира, выхожу в коридор. Почти свободна... Всѳ в голове моей медленно и тяжело кружится: стены, пол, мои мысли, сомнения, надежды... Это же крупный человек, он не опустится до прямой лжи, это не тот развинченный юноша. Решиться ему поверить?

Из противоположной двери в коридор выходит священник. Он идѳт со скромным достоинством, в летней соломенной шляпе, в тѳмно-лиловом подряснике и с золотым крестом на груди. С ним нет конвоира. У дверей кабинета, откуда он вышел, с ним прощается вежливо за руку маленький, чѳрный, сурового вида человек. Священник неторопливо уходит по плюшевым дорожкам. Он приходил сюда как свободный и на свободу, конечно, уходит... Значит, он... Меня начинает колотить мелкая дрожь.

В это время маленький мрачный человек обращается ко мне и безгласно делает рукой знак. Я встаю и вхожу в его кабинет. Это и есть помощник Тучкова. Он делает мне любезную улыбку, но глаза его не меняют мрачного выражения. Он читает заготовленную заранее бумагу – текст моего согласия сотрудничать у них. С каждым словом я чувствую, что тону, и нет мне уже спасения. Я мысленно слежу за «свободным» священником, который идѳт сейчас к выходу по плюшевым дорожкам.

– Ваша фамилия – Майская. Запомните, – слышу я слова чёрного человечка. («Зачем мне вторая фамилия?» – думаю я.) – Сейчас ночью вы выйдете на свободу, – продолжает чёрный. – В камере никому ни слова. И не показывайте своей радости.

Он протягивает мне бумагу и ручку. Я подписываю. Бумага лежит перед ним на столе. И я не свожу с неё глаз.

– Две недели отдыха, – говорит чекист.

И тут я замечаю в его тоне новое: усталое пренебрежение.

– Вы придёте (назначает мне точно день, час, место) и получите задание. Не вздумайте не прийти!

Эта последняя угроза и тот уходящий священник – как я могу им верить? Я автоматически, но с полной решимостью протягиваю руку, хватаю страшный лист, лежащий между мной и следователем, и рву его на мельчайшие куски.

Следователь разъярённо стучит кулаком, осыпает меня ругательствами и угрозами. Но теперь даже угрозы в адрес моей мамы меня не смущают. Я повторяю себе: лучше нам отлучиться обоим жалкий остаток дней, чем... Но только бы на одну минуту повидаться, чтоб передать ей своё мужество, своё решение. И тогда – на любую муку. Так думаю я уже потом, прислушиваясь к ровному дыханию спящих в камере. И тут я замечаю, что Юлия Михайловна тоже не спит и внимательно следит за мною. Я подхожу к ней, но мне не приходится ничего ей рассказывать: она и без слов всё давно поняла.

– Не делайте этого – вы погубите свою мать и погибнете сами. Это соблазн, их обычный приём – обман. Вы поступили правильно и не сомневайтесь».

3

В 1922 году в Советской России было расстреляно 45 священников и епископов, более 250 человек получили по приговору длительные тюремные сроки. Аресты священников шли по всей стране. Их судили в Екатеринославле, Уфе, Екатеринбурге, Рильске, Орле, Калуге, Шуе, в Ростове-на-Дону, Иркутске, Харькове, Туле, Рыбинске, Киеве. За пять лет советской власти число кровопролитных столкновений с верующими достигло как минимум 1414 случаев.

В том же году великий философ Н. Бердяев, несколько раз посетив Государственное политическое управление, рассказывал: «Я был поражён, что коридор и приёмная ГПУ были полны духовенством. Это всё были живоцерковники. На меня всё это произвело тяжёлое впечатление. К «живой церкви» я относился отрицательно, так как представители её начали своё дело с доносов на Патриарха и патриаршую церковь. Так не делается реформация...»

Так называемое движение за «обновление» Российской Церкви (Обновленческий раскол, Живая Церковь, живоцерковничество и т. д.) возникло после Февральской революции 7 марта 1917 года. Одним из организаторов и секретарём этого движения (Всероссийского Союза демократического православного духовенства и мирян) стал священник Введенский Александр Иванович. Он же ведущий идеолог и вождь движения. Движение поддерживал обер-прокурор Священного синода В.Н. Львов. Он же издавал на синодальные субсидии газету «Голос Христа».

29 мая 1922 года в Москве создаётся группа «Живая Церковь», 4 июля её возглавит протоиерей В. Красницкий. В августе этого года председатель ВЦУ епископ Антонин отдельно организует «Союз церковного возрождения» (СЦВ), который видел свою опору не в клире, а в мирянах, способных «зарядить церковную жизнь революционно-религиозной энергией». В этом же году так называемые обновленцы получили негласную поддержку ГПУ.

Ночью 12 мая 1922 года протоиерей Александр Введенский с двумя своими единомышленниками и в сопровождении сотрудников ГПУ прибыли в Троицкое подворье, где под домашним арестом в то время находился патриарх Тихон. Обвинив его в опасной и необдуманной политике, приведшей к конфронтации Церкви с государством, Введенский в ультимативной форме потребовал, чтобы законноизбранный патриарх на время ареста отказался от своих полномочий.

15 мая делегация обновленцев была принята председателем ВЦИК М. Калинин, 16 мая официально было объявлено об учреждении нового Высшего Церковного Управления (ВЦУ). Возглавил ВЦУ, естественно состоящее из сторонников обновленчества, епископ Антонин Грановский, тут же возведённый ими в сан митрополита.

16 мая патриарха Тихона перевезли в Донской монастырь, где он находился в строжайшей изоляции, чтобы обновленцам было легче захватывать власть. А к концу года они смогли занять 20 тысяч из 30 действовавших в то время храмов.

«Сводка № 1 6-го отделения СОГПУ за время с 3/VIII по 8/VIII с/г. о ходе работ Всероссийского съезда духовенства «Живая церковь»

9 августа 1922 г.

Совершенно Секретно

отпечатано и разослано в 6 экземплярах т.т. ДЗЕРЖИНСКОМУ, ТРОЦКОМУ, СТАЛИНУ, УНШЛИХТУ, ЯГОДА и САМСОНОВУ.

Работа съезда открылась частным совещанием попов и мирян 3/VIII с/г. Первое заседание было посвящено выяснению принципиальных вопросов, которые надлежало решить съезду.

Ввиду неподготовленности ЦК «Живой Церкви» постановлено было избрать предсезонную комиссию в состав которой вошли протоиереи: ЦВЕТКОВ – Смоленск, СТРАХОВ – Тверь, НОВИКОВ – Смоленск, СОЛОВЬЁВ – Москва, и другие. Комиссия разработала повестку дня. Повестка распадается на три основных вопроса: 1) подлежащее безусловному и немедленному рассмотрению съездом, 2) желательно решить съездом, но не обязательно и 3) подготовительные к Всероссийскому Собору. Все вопросы числом 14 делятся на три отдела по признакам их однородности 1) юридическо-канонический, 2) финансово-экономический и 3) внутреннего управления.

Наиболее важные вопросы были внесены в первый отдел как-то: 1) правовое положение церкви в РСФСР вообще и имущественное право в частности, 2) борьба с контр-революцией (монашеское засилье, белый епископат, контр-революция в приходах) и 3) брачное право, во 2-ую группу вошли: 1) социально-экономическое обеспечение, 2) о единой церковной кассе и наконец к третьей группе относятся вопросы: 1) утверждение устава «Живой Церкви», 2) разработка плана церковного управления и 3) создание кадров пастырей.

Съезд открылся 6-го Августа. Первое заседание носило декларативный характер, избран был Президиум во главе с КРАСНИЦКИМ, принято единогласно письмо-декларация во ВЦИК, выражающая благодарность за разрешение на открытие съезда.

8-го числа состоялось второе собрание съезда были поставлены на повестку дня следующие вопросы: 1) Доклад о монашестве (докладчик КЕДРОВ), 2) об учётом монашестве (докладчик АДАМОВ) и 3) борьба с контр-революцией (докладчик КОЛОКОЛОВ). По первому вопросу после непродолжительных прений единогласно была принята резолюция о закрытии городских монастырей и превращение провинциальных монастырей в трудовые коммуны. По второму вопросу принята резолюция о предоставлении права монахам свободного сложения с себя монашеского сана и перехода в белое духовенство, при чём приём в белое духовенство может производиться по усмотрению Епархиальных Управлений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.